

"Преданно и верно"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Джил Мари Лэндис

Преданно и верно

Дорогой читатель, найдется ли на свете женщина, которая не помнит своего первого поздравления с днем святого Валентина – необычной открытки или коробки конфет в виде сердца? Бьюсь об заклад, что кто-нибудь из ваших знакомых хранит такие сувениры в укромном местечке.

Я, например, никогда не забуду, как билось мое сердце, как от смущения пылало мое лицо, когда ко мне, ученице шестого класса, постучался в дверь мальчик, в которого я была влюблена. Он без единого слова сунул мне открытку, коробку конфет и ушел. Мальчика звали Майкл, и в его честь главный герой повести получил имя Майкл.

Писать рассказы меня побуждают различные события. Моя хорошая подруга собирает поздравительные открытки начала века. Все они разукрашены кружевами, сердцами и ангелочками. Мне нравится читать любовные признания минувших лет. Стихотворные строчки в данной истории заимствованы из таких открыток.

Я давно решила, что героиню будут звать Бэт Браун, в честь моей племянницы Бэт, а теперь поняла, что она, кроме того, должна быть художницей, которая рисует картинки для поздравительных открыток.

Городок Теллурид, расположившийся в горах Колорадо, с его викторианским архитектурным стилем и необычными зданиями, стал подходящим местом для Бэт, скрывающей в течение многих лет свою тайну от Майкла.

Вот каким получился рассказ «Преданно и верно». Я надеюсь, он вам понравится и наполнит ваши сердца любовью.

Желаю вам мира и радости

Джил Мари Лэндис

Колорадо, 1895

Все предупреждали Майкла Шогнесси, что январь неподходящее время для поездок в Теллурид. Он пропустил мимо ушей предупреждения, лишь оделся соответственно погоде.

Прекрасно сидящие перчатки, сшитые по последней моде, защищали руки от холода, но даже сквозь плотный материал молодой человек не мог не чувствовать зажатый в руке листочек бумаги. Майкл так часто его вынимал и разглядывал, что, наверное, кончиками пальцев мог бы прочитать написанное в нем. Он положил листок во внутренний карман шерстяной накидки и для верности прижал кулаком. Затем молодой человек наклонил голову, чтобы широкие поля шляпы защищали лицо от метели.

На платформе никого, кроме Майкла, не было. Пассажиры не рисковали ждать поезд под открытым небом и столпились у печки в полупустом помещении. Теперь, когда Майкл был так близок к цели, нетерпение натянуло его нервы, как стрела натягивает тетиву лука. Спертый воздух комнаты ожидания, запах табачного дыма и сырой шерсти, жалобы раздраженных пассажиров, плач и нытье детей вы гнали Майкла на улицу.

Его компаньон в Дэнвере советовал подождать с поездкой в Сан Хуан, отдаленный шахтерский городок, до весны. Но Майкл Шогнесси был не тем человеком, который следовал чужим советам; иначе он до сих пор жил бы в ирландских трущобах Бостона и гнул спину на мельницах, как его старшие братья.

«Вот увидишь, Майкл, они растопчут тебя, и ты закончишь свою жизнь так же, как и все здесь» Его братья часто разглагольствовали на эту тему за кружкой пива в местном кабаке. Но Майкл обычно засыпал, не дослушав их мрачных предсказаний. Эти разговоры не подавили его, а, наоборот, заставили развиваться. В то время как братья плакались и позволяли жизни мять и топтать себя, Майкл шел к своей цели. Он нанимался мести полы в магазинах, работал буфетчиком, чтобы заработать денег на учебу в университете, на помощь Ма и разные мелкие расходы. Одаренный хорошим слухом и способностью копировать интонации, Майкл очень скоро избавился от ирландского акцента, выдававшего в нем иммигранта, и перенял у сокурсников манеру одеваться и вести себя в обществе.

«Такое метание, Майкл, не принесет тебе ничего, кроме разрыва со своими, – предупреждала его мать. – Настанет день, и тебе придется выбрать, в каком мире ты хочешь жить».

Он хотел жить в обоих мирах и был уверен, что это возможно, пока Бэт не исчезла.

Майкл разжал пальцы, сжимавшие листок, и вынул руку из кармана. Он попытался согреть пальцы дыханием, затем поднял воротник, защищаясь от ветра. В кромешной мгле прогудел свисток паровоза, и Майкл подошел к краю платформы.

«Может быть, мне стоит благодарить Бэт, – думал он, открывая лицо ветру. – Если бы она не бросила меня, то, вероятно, я никогда бы не имел того, чем обладаю». Молодому человеку казалось естественным, что именно сейчас, когда он является владельцем крупнейшего в Дэнвере магазина, ему удалось обнаружить, где находится Бэт. Он мог поехать к ней и доказать, что заработал то состояние, которое обещал ей когда-то Майкл. Он всматривался в даль, стараясь разглядеть локомотив, но никаких признаков поезда не было, только гудок раздался ближе.

Он ждал встречи целых шесть лет и может подождать еще несколько минут.

Интересно, как сейчас выглядит Бэт? Неужели она изменилась так же, как и он? Какие у нее глаза? Все такие же карие? А ее улыбка все так же светла? Несомненно, у Бэт Уэйверли-Браун есть все основания улыбаться Майклу, напротив, не при поминал, когда в последний раз он радовался жизни.

До того, как две недели тому назад он встретил двоюродного брата Бэт, для него ничего кроме работы не существовало. Желая преуспеть в деле, он все свободное от сна время заставлял работать и себя и своих подчиненных. Ему принадлежал не только «Олгудз», но и огромный особняк, и конюшня с чистопородными лошадьми. В его распоряжении были дворецкий, две горничные: одна для комнат наверху, другая – для тех, что внизу. Кроме того, он с удовлетворением сознавал, что ни мать ни сестры ни в чем больше нуждаться не будут. Майкл распрощался с бедностью и грузом ирландской наследственности.

Единственное, чего ему не доставало – это Бэт, но, по крайней мере, он уже знал, где ее искать. И когда Майкл ее найдет, то задаст только один вопрос: почему она так поступила?

Кто-то постучал в дверь. Бэт Уэйверли-Браун недовольно нахмурилась и положила кисть на пропитанную скипидаром ветошь рядом с палитрой. Оценив беспорядок, безраздельно

царящий на обеденном столе, она даже не попыталась убрать что-либо. Эскизы были разбросаны, один даже съехал на пол. Среди рисунков попадались незаконченные работы. Кудрявые крылатые херувимы улыбались ей с каждой картинки. Некоторые держали в руках букеты, в то время как другие или влезали или вылезали из корзинок с цветами. Херувимы исполняли джаз, плескались в водопадах, весело проплывали на облаке. Улыбнувшись своей коллекции, Бэт направилась к двери, но задержалась, чтобы сделать еще один мазок и добавить румян круглым щекам и крыльям херувима.

Стук возобновился.

- Бэт, ты здесь? Я совсем замерз на улице. Она узнала голос Чарльза Мэссея и тут же положила кисть.

- Иду, - отозвалась Бэт, вытирая руки о фартук, надетый поверх выцветшего платья. Взгляд в зеркало дал понять, что она прекрасно выглядит, жаль, ее внешность уже не поможет в разговоре с этим издателем, ждущим набор картинок к Дню Святого Валентина. Крайний срок завершения работы дважды уже продлевался, и отсрочки больше не будет, хотя Чарльз был все понимающим человеком. Ей нужно закончить работу и отправить картинки поездом до конца недели или же стойко встретить потерю оплаты, о которой ранее договаривались.

Бэт подошла к двери и сквозь овальное окно с кружевными занавесками разглядела высокую фигуру Чарльза. Она приоткрыла дверь. Не давая зимнему холоду ворваться в дом, впустила Чарльза.

- Рад, что ты дома, - весело сказал мужчина, снимая шляпу.

Бэт не могла не улыбнуться.

- А где же мне еще быть? Я работаю и не могу терять ни минуты.

- Вот поэтому я и пришел. Похоже у тебя романтический настрой. Ты не отрываешься от рисунков.

Чарльз начал стаскивать с себя пальто и стряхивать его над потертым половиком у входной двери Бэт обиделась:

- Я и вправду занята, Чарли. Может, зайдешь попозже?

Мужчина не обратил внимания на замечание, вы тянул шею, снимая шарф, а затем стянул перчатки Его светлые волосы были в снегу, а зеленые глаза ярко сияли от улыбки. Чарльз Мэссей встряхнул головой:

- И насколько позже?

- На следующей неделе, - засмеялась Бэт.

- Я боялся услышать это. - Он потер руки. - А здесь холодно.

Чарльз подошел к камину и протянул руки к огню.

Бэт потрогала шерстяное пальто, которое он оставил на одном из стульев у двери:

- Дрова дорогие сейчас.

Чарльз все еще улыбался, когда напомнил Бэт:

- Если выйдешь за меня замуж, тебе не придется беспокоиться о деньгах.
- Если я выполню работу и отправлю рисунки вовремя, мне долго не придется беспокоиться о деньгах. И тогда у меня будет достаточно времени, чтобы обдумать твоё предложение.
- Сначала - Пасха, затем - Рождество и Новый год, и тебе вновь придется много рисовать. - Щеки Чарльза покраснели от холода. Он направился к Бэт. - Твоя жизнь - сплошные праздники, Бэт Браун.

Она улыбнулась его шутке. Оба знали, что её жизнь отнюдь не праздник, но работа ей нравилась. Три года назад Бэт казалось, что её мучениям пришел конец, когда Джордж С Уитни из Уитни Компани, находящейся в городе Винчестере, штат Массачусетс согласился купить её первых «херувимов» и выпустить их на поздравительных открытках. Однако вырученных денег хватило на жизнь только до конца месяца.

Брак с Чарльзом решил бы все её проблемы, но сейчас, когда он стоял посередине передней такой высокий и слишком красивый для мужчины, Бэт знала, что её ответом будет «нет».

Мэссей пригладил густые светлые усы:

- А как насчет чашечки кофе?

Бэт вздохнула. Чарльз Мэссей стал одним из самых богатых землевладельцев в Теллуриде, потому что никогда не считал слово «нет» за ответ, достойный его. Его невозможно сдвинуть с места, пока он не добьется своего и сам не уйдет. Бэт оставила затею выпроводить его.

- Ну хорошо, кофе на плите. Налей его в чашки, и, пока я работаю, мы поболтаем.

Чарльз прошел через переднюю и столовую в кухню. Хотя беспорядок на столе раздражал его, он ничего не сказал, так как уже привык к бедноватой обстановке в этом доме.

- А где же Эмма? - крикнул он, не поворачивая головы из кухни.

- У миссис Филдинг. Она вызвалась, дай ей бог здоровья, поддержать её у себя, чтобы я смогла поработать. - Ответа не последовало, и Бэт переспросила: - Ты слышал, что я сказала? - Её голос повысился. - Чтобы я смогла работать.

Она снова взяла в руки кисть и окунула её в голубую краску на палитре.

Через несколько минут появился Чарльз, с трудом прокладывающий свой путь из кухни с двумя дымящими чашками кофе в руках.

- Не подноси их близко к столу, - предупредила Бэт, переводя взгляд с чашек на завершённую работу.

- Иди за мной. - Чарльз свернул в скромную маленькую гостиную. Бэт с неохотой вновь отложила кисть. Они заняли свои обычные места он рядом с камином в кресле с подушечкой у головы, она на диванчике напротив.

- Ты ела сегодня? - спросил Чарльз.

- Почему ты спрашиваешь?

- Так ты ела? - он передал ей чашку с блюдцем, добавив в кофе молока и сахара.

- Да.

- Хорошо. Я просто проверяю.

Бэт подула на горячий кофе, а потом поставила чашку на блюдце. Он был другом ее мужа, а сейчас стал ее ангелом-хранителем.

- Ты самый верный друг, Чарли.

- Но не самый подходящий жених. - Он вытянул свои длинные ноги. Его глаза посерьезнели, когда он взглянул на Бэт из-за ободка своей чашки. - Бэт, прошло уже три года, как умер Стюарт. Ты слишком долго носишь траур.

Художница опустила голову и уставилась на чашку, которую держала на коленях. Последнее время такие разговоры часто повторялись; Чарльз уже сделал ей предложение и теперь при каждом удобном случае напоминал о нем. Только высоко ценя дружбу Чарльза и его отношение к своей дочери, Бэт выслушивала его. Однако всей правды ему никогда не говорила. Она уже была замужем за человеком, которого не любила; больше на такой шаг она не пойдет.

- Бэт?

- Да? - она заметила, что Чарльз ждет. - Прости. Я просто задумалась. Пожалуйста, Чарли, не усложняй жизнь.

- Но я ведь не молодею. - Он уже не улыбался, а говорил серьезно.

Бэт стало неудобно.

- Что если мы подождем до весны? Тогда ты вновь сделаешь мне предложение.

- А чего мы, собственно говоря, ждем? - Он поставил чашку на столик рядом с собой.

Бэт и сама не знала. Увидев, как Чарльз взглянул на потолок, она с горечью подумала об облезающей краске на стенах. «Как бельмо на глазу, - вздохнула Бэт. - И еще эти поблекшие и вытертые обои». Они встретились взглядом, и художница по жала плечами:

- Я еще не готова, только поэтому, Чарли.

Он наклонился к ней и взял ее руку в свою. Его прикосновение было теплым и успокаивающим. Бэт знала, что их брак будет таким же теплым, спокойным, но без той особой искорки, которая может существовать между мужчиной и женщиной.

Он освободил ее руку и встал.

- Я могу ждать, Бэт Браун, по крайней мере, до весны. Но не могу обещать, что не буду уговаривать тебя выйти за меня замуж задолго до этого срока.

Вздыхнув с облегчением от того, что Чарльз был готов уйти, Бэт встала и последовала за ним к двери. Она терпеливо ждала пока гость надевал свое тяжелое пальто, оборачивал шотландский шарф вокруг шеи, натягивал шляпу и тщательно расправлял на руках кожаные перчатки.

- Но по крайней мере, я, надеюсь, могу пригласить вас завтра на обед? В конце концов, в воскресенье ты должна прервать работу, чтобы поесть.

Бэт начала было отказываться, но подумала об Эмме, о том, как ребенок будет рад показаться на людях.

- Ладно. Но ненадолго. - Чарльз положил руку на сердце.

- Обещаю.

- Хорошо, - она взяла его за плечи и повернула к двери. - До свидания, Чарли.

- Я приду завтра в полдень. И мы пойдем в отель «Шеридан»

Бэт открыла дверь и отошла в сторону.

- Прекрасно.

Чарльз вышел на крыльцо.

- А как насчет поцелуя? Она покачала головой, смеясь.

- Увидимся завтра.

- Ты жестокая женщина, Бэт Браун.

- Одна из самых жестоких.

- Скоро день святого Валентина. Где твое праздничное настроение? Прочти мне хотя бы один из стишков, которые ты пишешь.

- Одиночество уйдет, сердце грусть забудет, в гот момент, когда, мой друг, вспомнишь обо мне.

Бэт захлопнула дверь перед лицом Чарльза и улыбнулась, услышав взрыв хохота и его удаляющиеся шаги. Она не была безнадежно влюблена, но Чарльз Мэссей будет восхитительным мужем.

- Следующая остановка Теллурид! Теллурид - следующая остановка!

Голос проводника пробудил Майкла от беспокойного сна. Шею так свело, что обычный массаж не помогал. Женщина с сумочкой напротив продолжала смотреть в окно, избегая встречаться с ним взглядом. Молодому человеку стало интересно: неужели он так подозрительно выглядит Майкл старался поймать свое отражение в замерзшем стекле приглаживая рукой черные, волнистые волосы. Черный ирландец называли его из-за черных и блестящих, как уголь, волос. Даже зимой его кожа хранила оттенок лета. На этом фоне голубые глаза выглядели еще ярче.

Майкл вновь уставился на женщину, поймал ее взгляд и увидел, что она покраснела. Если бы в этом переполненном вагоне для него нашлось другое место, он бы занял его, чтобы пассажирка чувствовала себя свободнее, но свободных мест не было. Кроме того, они почти приехали. Майкл откинулся на спинку и задумался: «Ну почему, Бэт?»

Этот вопрос продолжал жечь его. Почему?

Ему не терпелось прямо спросить ее. Он потребует ответа, даже если ее богатый муж будет против. Им даже придется вышвырнуть Майкла из дома, так как он не собирается уходить, пока не добьется ответа.

Святая Мария, семь лет назад он был таким глупым – хотя и готовым завоевать весь мир. Забыв о женщине напротив, Майкл вспоминал тот вечер, когда впервые встретил Бэт. Кажется, это было сто лет назад.

Его пригласили на вечер, или, как его друг Рэндэл Нельсон говорил, на маленькое сборище. На одно из тех развлечений в день святого Валентина, которые так нравятся женщинам. Майкл не подозревал о том, что может повлечь за собой этот вечер, но решил пойти с другом. В начищенных до блеска ботинках, с уложенными волосами, в единственном, но отутюженном костюме, он высоко держал голову в любой компании. Его быстро приняли в университете, он легко заводил друзей, но времени на посещение разных вечеринок не хватало. Этот вечер станет его первым выходом в общество, шагом в новую жизнь.

Следуя за Рэндэлом по огромным комнатам элегантно обставленного дома, Майкл изо всех сил старался не таращить глаза на окружающую его роскошь. Только на деньги, отданные за один подсвечник на столе, можно было кормить Ма и сестер целый месяц. Он поправлял рукав пиджака вокруг манжеты рубашки, когда Рэндэл подтолкнул его локтем и прошептал: «Нравится тебе кто-нибудь? «

После этого Майкл, стоя в дверном проеме зала, стал рассматривать пары, двигающиеся в танце по залу Шелк и атлас, кружева, французский фэй украшали женщин, мужчины были в черном. Контраст был поразительным и завораживающим. Комнаты жили, дышали, пульсировали музыкой и цветом. Дамы в бальных платьях красного, зеленого, желтого и кремового цветов кружились в танце с кавалерами, облаченными во все темное. Он в жизни никогда ничего подобного не видел – и, конечно же, никого, похожего на незнакомку в белом, которая быстро шла ему навстречу.

Девушка была миниатюрна, ее макушка едва доставала Майклу до плеча. Роскошные, блестяще-коричневые волосы, были уложены в прическу из локонов и завитков и украшены подскакивающим во время ходьбы султаном из перьев. С запястья свисал бело-розовый кружевной веер. Незнакомка улыбалась, торопясь ему навстречу, а ее глаза при этом сияли. Майкл почувствовал отчаяние, когда понял, что она спешила поздороваться с Рэндэлом.

Майкл не мог понять, почему этот невинный поцелуй, предназначенный его другу, так задел и разозлил. Взгляд девушки был прикован к нему, Майклу, но она обратилась к Рэндэлу:

- Рэнди! Я так рада, что ты здесь. Я чуть не умерла от скуки.

Нельсон представил молодых людей друг другу:

- Это Майкл Шогнесси, тот друг, о котором я тебе говорил. Это моя кузина, Бэт Уэйверли.

Впервые в жизни Майкл не мог вымолвить ни слова, но через две минуты пришел в себя и пригласил девушку на танец.

Во время танца она сказала:

- Рэнди так много о Вас рассказывал, мистер Шогнесси, что я просто должна была с Вами познакомиться.

- Пожалуйста, зовите меня Майкл. Боюсь, что Рэнди решил сделать мне сюрприз, Мисс Уэйверли.

Она рассмеялась, не отводя глаз:

- Значит, Вы в худшем положении. Зовите меня Бэт и спрашивайте обо всем, что Вас интересует.

Его интересовало, почему она так красива. Но вместо этого он спросил:

- Могу ли я рассчитывать на следующий танец? - Смех Бэт сковал его.

- Но этот танец еще не окончен.

- А я люблю планировать заранее.

- Люди многое наговорят, если я буду танцевать с вами весь вечер.

Он отважился приблизить ее к себе.

- А Вам не все равно?

Без малейшего колебания она покачала головой:

- Мне все равно, но моим родителям нет.

- А где они? - Майкл огляделся.

- Отец играет в карты. А мама - вон та взволнованная женщина, которая стоит рядом с Рэнди у столика с шампанским.

Вальсируя, Майкл улыбнулся матери Бэт. Женщина холодно кивнула в ответ.

- Не обращай внимания, - подбодрила его Бэт. - Она все время так себя ведет, если я танцую с незнакомым ей человеком.

- Она знает здесь каждого?

- И даже их родословную.

Чувство обреченности охватило Майкла, но он постарался избавиться от него и сильнее сжал руку партнерши. Такова Америка. Он ничем не хуже, даже лучше, любого мужчины в этом зале, но за счастье нужно бороться.

Следующий танец был тоже его. Приглашение на третий было отклонено.

Хотя Рэнди убеждал его продолжать развлекаться, Майкл предпочел больше ни с кем не танцевать. Вместо этого он молча потягивал шампанское и следил за тем, как мужчины вели Бэт в танце. За весь вечер не было секунды, чтобы Майкл не узнал, где находится Бэт и с кем она танцует. И хотя у него не было возможности как следует попрощаться с ней, Майкл ушел домой довольный, в приподнятом настроении. Его сердце пело. Он знал, что встретил ту девушку, на которой женится.

Денег на цветы у Майкла не хватило, но зато ко дню святого Валентина он смог послать ей

открытку. Она стояла больше, чем он рассчитывал, но зато была великолепна. Обрамленная бумажным кружевом, с изображением черноволосой женщины, срывающей распустившиеся бутоны с покрытого цветами дерева, открытка содержала слова, которые он запомнил на всю жизнь: «Есть сердце у каждого на Земле. Свое я предлагаю тебе! Оно всегда верно и преданно будет, тебя оно никогда не забудет».

При встрече Бэт заверила его, что сохранит эту открытку навсегда.

Ухаживаниям Майкла мешала необходимость работать каждый вечер, даже в выходные, но когда освобождался час-другой, он посвящал его Бэт. Девушка говорила, что понимает, как драгоценно его время, и что она хочет сделать эти мгновения как можно более счастливыми. Ее двоюродный брат Рэнди не отказывался носить им записки друг друга.

Зима пошла на убыль, и они проводили время, гуляя среди цветущих деревьев и свежей листвы. Между ними ничего не было, кроме прикосновений рук или мимолетного легкого поцелуя. Это продолжалось до тех пор, пока не наступил тот воскресный полдень, когда Бэт пришла с мрачным выражением глаз, ее брови были нахмурены.

- Что случилось, дорогая? - спросил Майкл, намеренно подчеркивая ирландский акцент, который нравился девушке. Он отдал бы все на свете только за то, чтобы вернуть блеск ее глазам.

Бэт покачала головой.

- Ничего, - прошептала она и ласково коснулась головой его щеки. - Сегодня было трудно вырваться из дома.

- Пойдем, - Майкл, не раздумывая, схватил ее за руку. Сердце его бешено забило, когда он повел Бэт за собой к выходу из парка. - Пришло время поговорить с твоим отцом. Все это тянется слишком долго. Я встречу с ним с глазу на глаз и скажу о наших планах.

- Нет! - Возражение было настолько резким, что Майкл выпустил руку девушки.

- Почему?

- Тебе не надо разговаривать с отцом. Еще не время.

Майкл почувствовал злость, которая соединилась с унижением и гордостью.

- Я слишком долго мирился со встречами украдкой, Бэт. Если тебе стыдно привести меня к родителям, скажи об этом, и я уйду.

На тропинке у пруда она резко остановила его.

- Не смей так думать, Майкл. Ты не знаешь моего отца. Он... его не переубедить.

- Ты имеешь в виду, что он такой же, как и все эти высокомерные бостонцы? У него что, в окне банка есть вывеска: «Не для ирландцев»?

Ее лицо побледнело:

- Майкл, прошу тебя, пожалуйста, не делай этого.

Он старался успокоиться. Женщина, прикидывая к нему так доверчиво, была для него всем на

свете. Не было в мире преград, которые он не преодолел бы, чтобы завладеть ею. Если надо подождать еще немного, что же, так тому и быть.

В конце концов Майкл взял себя в руки:

- Я сделаю так, как ты считаешь нужным, Бэт. Но я не буду откладывать это постоянно.

Бэт вернулась к нему уже на следующий день.

Когда Майкл услышал легкий стук в дверь своей однокомнатной квартирki, он оторвался от книги, пошел открывать. Увидев Бэт, стоящую в темном коридоре, Майкл на какое-то время лишился дара речи. Девушка прошла, внимательно оглядев каждую деталь почти пустой комнаты. Майкл просунул плечи в подтяжки, свисающие с пояса.

Одетая в канареечно-желтое платье и ярко-зеленую накидку, Бэт неподвижно стояла, приложив руки к груди.

Майкл боялся услышать, что они больше не смогут видеться.

- Что случилось? Что произошло? - Бэт бросилась к нему:

- Обними меня, Майкл, просто обними меня.

Он постарался понять в чем дело, почему она так дрожит, и с готовностью обнял ее:

- Ты дрожишь, как лист на ветру. - Девушка положила голову ему на грудь.

- Я люблю тебя, Майкл.

Он почувствовал огромное облегчение.

- И я люблю тебя, - произнес он. Тогда Бэт взяла в ладони его лицо. - Люби меня сейчас, Майкл.

- Я... - юноша не мог понять смысл ее слов. Пальцы Бэт гладили густые локоны Майкла, ее мягкое дыхание вызывало у него дрожь. Желание росло и наполняло.

- Ты не хочешь меня? - Ее срывающийся голос разрывал его сердце.

Он не мог смотреть ей прямо в глаза и сдерживать свое желание Майкл притянул ее ближе Он так сильно прижал ее бедра к своим что не оставил сомнений в своем желании Бэт выпустила из рук ридикюль, сумочка с мягким стуком упала на пол.

Дрожа, она начала расстегивать его рубашку Майкл закрыл глаза, когда почувствовал дыхание на своей груди. Он схватил ее руки.

В широко раскрытых глазах девушки были испуг и решительность.

- Это должно случиться не так, Бэт. И не здесь.

Он оглядел пожелтевшие стены комнаты, поцарапанный стол и два стула - единственную мебель в маленькой квартирке; картину дополняла узкая кровать в углу. Учебники и бумаги, разбросанные по столу, лампа, ожидающая, когда ее зажгут, костюм с двумя рубашками, безвольно висящий у двери.

Майкл просто не мог представить ее в такой обстановке. Для него это краткосрочное пристанище, расположенное не так далеко от ирландского гетто и слишком далеко от того места, где он намеревался жить, когда женится. Бэт в своем красивом платье столь же неуместна здесь, как проститутка в церкви.

Майкл не знал, что привело ее сюда, но понимал, что сейчас только он мог прекратить эту глупую затею. Так говорил разум. Сердце твердило обратное.

Он увернулся от рук девушки и поднял сумку.

- Тебе не стоит оставаться здесь, дорогая. Пойдем, я провожу тебя домой.

Застегивая рубашку, Майкл слышал, как девушка горько вздохнула.

Почти потеряв рассудок, Бэт спросила:

- Ты не любишь меня?

- О чем ты? - Майкл искренне недоумевал.

- Если бы ты любил меня, то не прогонял бы. - Он старался не выдать злость.

- Когда у меня будет настоящий дом, Бэт Уэйверли, и ты будешь одета в белое подвенечное платье, расшитое кружевами и украшенное цветками апельсина, с обручальным кольцом на пальце, тогда и только тогда ты будешь моей.

В совершенно не присущей ей манере, Бэт съязвила:

- Никогда не думала, что ты такой трус, Майкл.

Она повернулась и направилась к двери. Майкл поймал ее за плечи и резко развернул к себе.

- Я не трус, но и не святой. Чего же ты хочешь от меня, Бэт?

Она освободилась от рук Майкла, обняла его за шею, и, поднявшись на цыпочки, поцеловала.

- Я хочу вот этого, - прошептала она прежде, чем поцеловала его так, как он никогда не решался целовать ее. Затем он подхватил Бэт на руки и отнес на узкую железную кровать.

Майкл положил ее на середину кровати, склонился над ней.

- Это то, чего ты хотела? - подбивая ее сказать «да», Майкл молился, чтобы она сказала «нет».

- Да. - Слово, произнесенное шепотом, раздалось в тихой комнате, как звон разбитого хрусталя.

- Тогда мы сделаем это по-моему.

Он раздел ее очень ласково. Когда ее бравада испарилась, Майкл спросил, не хочет ли она остановиться.

- Нет, - заверила она. - Нет.

В сумеречном свете он целовал и ласкал Бэт. Они слились воедино среди вздохов и шепота. Все

кончилось очень быстро, но Майкл знал, что его сердце навсегда сохранит память об этом вечере.

Он помог Бэт одеться, но проводить себя домой она не позволила. Майкл провел ее по лестнице и нанял экипаж. Закрывая дверцу, Бэт подала ему руку через открытое окошко. Майкл пожал ее.

- Завтра вечером я приду к вам домой, и мы вместе поговорим с отцом.

В ее глазах заблестели слезы.

- Тогда увидимся завтра, любовь моя, - пообещала Бэт.

Это была их последняя встреча.

Стук колес вывел Майкла из состояния задумчивости. Он взял шляпу с соседнего сиденья и немного потер ее рукавом. Гудок пронзительно завизжал, объявляя о прибытии в Теллурид.

Майкл выглянул из окна, стараясь разглядеть станцию в густом тумане: для него она была особенной.

Бэт где-то в Теллуриде, и он не вернется в Дэнвер, пока не найдет ее.

- Мама? Я пришла.

Бэт закончила очищать кисти и отложила их в сторону. Обеденный стол расчищен, законченные картинки приставлены к спинке буфета.

- Я в столовой, - отозвалась она, узнав звук нетерпеливых шагов своей шестилетней дочурки, бегущей по кухне. Дверь широко распахнулась, и вошла ее дочь с весело подпрыгивающими локонами и блестящими синими глазами.

- Тимм дергал меня за волосы, - пожаловалась Эмма Браун, но вместо того, чтобы пребывать в унынии по этому поводу, улыбаясь взобралась на стул. И, театрально подперев рукой бок, покачала головой:

- Представляешь?

- А что ты сделала Тимми? - Бэт не удержалась и поправила локон Эмминых волос. Глаза, голубые, как небо в ясный полдень, улыбались ей в ответ.

- Ничего, мама.

- Совсем ничего?

- Почти ничего, - кротко произнесла малышка. - Я только назвала его ослом.

- Ага! - Бэт чмокнула Эмму в носик перед тем, как заняться ужином. - Тогда, думаю, мне совершенно необязательно бежать к его маме и говорить, что ее сыну просто необходима хорошая трепка?

Эмма последовала за ней на кухню и постояла рядом с мамой, пока та подкидывала дрова в

печку.

- Думаю, не стоит. Миссис Филдинг сказала, что если завтра ты все еще будешь занята, я могу прийти к ним поиграть опять. Можно, мама?

- Может быть, днем. - Бэт припомнила визит и приглашение Чарли. - Мистер Мэссей приглашает нас завтра на обед в отель «Шеридан». Это здорово, не правда ли?

Эмма пожала плечами и поскребла пол носком туфельки.

- Да.

Бэт заметила колебание в голосе Эммы. Она отставила корзинку с яйцами, которую сняла с полки, и присела на корточки перед дочуркой.

- Тебе ведь нравится мистер Мэссей? Если тебе не хочется идти завтра, то я скажу ему, что мы не можем.

- Я скучаю по папе.

- Знаю, моя сладкая. - Бэт притянула Эмму и крепко прижала к себе. Ее сердце забилося, к горлу подступил комок, когда маленькие ручки обняли мать за шею. Она спрашивала себя: действительно ли ребенок скучает по Стюарту Брауну, который умер, когда Эмме еще не было и трех лет, или же ей просто не доставало кого-то, кто мог бы называться папой.

- Если мы пойдем на обед с мистером Мэссей, то тебе можно будет заказать все, что пожелаешь.

- Даже тапиоку?

- Да, даже тапиоку.

- Тогда, думаю, нам стоит пойти. - Забыв свои обиды, Эмма еще раз неуклюже обняла маму и убежала.

Когда Бэт, наконец, вновь занялась ужином, Эмма приволокла в кухню стул, чтобы можно было стоять рядом с матерью и болтать.

- Когда мы будем готовить открытки?

- Еще слишком рано. Мне нужно закончить две картины для мистера Уитни, а потом мы займемся поздравлениями для наших друзей.

Их доброй традицией стало делать старомодные поздравления, украшенные аппликациями и кружевами, купидонами и цветами, лентами и фольгой. Эти поздравления были так похожи на те, что продавались пятьдесят лет назад. Весь год Бэт собирала вырезки, а потом они с Эммой за неделю до дня святого Валентина готовили каждому другу и знакомому особое поздравление.

Бэт разбила яйцо, собираясь приготовить на ужин омлет. Эмма продолжала болтать.

- А Массачусетс очень далеко? Как же ты сможешь отправить туда свои картины, если мы даже ни разу не сходили к этому мистеру Уитни?

Руки Бет замерли на полпути к чашке. Бостон. Это было в другой жизни, в которую ей нет возврата.

Эмме она сказала:

- Мистеру Уитни совершенно не нужно нас видеть. Все, что ему нужно - это мои работы, а все, что мне нужно - деньги, которые он обещал в обмен на картины.

- Почему ты не подписываешься на них своим полным именем? Никто не знает, что ты та самая Б. Браун, придумывающая рисунки для открыток, которые все рассылают к праздникам.

Сбивая яйца, Бэт наклонилась и поцеловала темную Эммину макушку.

- Спасибо за комплимент, пончик, но Б. Браун почти так же популярна сейчас, как Кэйт Гриндэй. Знают или не знают люди, кто я такая, им нравятся мои картинки, вот что важно, не так ли?

Совершенно не убежденная в этом, Эмма пожала плечами.

- Наверное, так.

Она поставила локоть на кухонную стойку, положила голову на руку и внимательно взглянула на Бэт.

- Мама! Если ты выйдешь замуж за мистера Мэссей, он станет моим папой?

Бэт вздохнула. Ей не хватало только того, чтобы они оба подталкивали ее к принятию решения:

- Полагаю, что да.

- И мне можно будет звать его «папа»?

- Если я выйду за него, то тогда ты сможешь спросить его разрешения.

Бэт посмотрела на Эмму и ей не понравились озабоченность и беспокойство, искажившие безупречные черты дочери.

- Думаю, он будет рад, если, - она подчеркнула «если», - я действительно решусь стать его женой.

- Мама!

- Да, Эмма.

- Может, надо поторопиться и решить? Я единственная из тех, кого я знаю, не имею папы.

Бэт стиснула зубы и стала еще быстрее сбивать яйца.

Снежная буря улеглась. Теллурид был устелен свежим снежным покровом. Небо было ярко-синим как ляпис-лазурь, а воздух - холодным и хрустящим. Казалось, его можно разбить. Сосны покрылись льдом и снегом, их ветки сгибались под этой тяжестью.

Отель «Шеридан» был полон воскресных посетителей, которые не побоялись мороза, чтобы

насладиться изысканной кухней. Элегантный отель и примыкающий к нему оперный зал были построены в знак уважения города, который начинался как беспорядочный и драчливый лагерь золотоискателей.

Чарльз сидел справа, а Эмма слева, и у Бэт была возможность хорошо разглядеть весь зал и вестибюль за тяжелыми бархатными портьерами, щегольски открывающимися с помощью позолоченного шнура. Она стряхнула крошку с корсажа зеленого платья из саржи, которому было уже не менее трех лет. С тех пор как умер Стюарт, она ничего себе не покупала, но это платье надевалось очень редко, поэтому оно выглядело как новое. Бэт подозревала, что саржа с узкими рукавами и талией, едва намеченной впереди и закругленной сзади, вышла из моды в Бостоне, но Запад был всегда снисходителен к моде.

Эмма едва-едва могла дотянуться до стола и сейчас извивалась на позолоченном стуле.

- Мама, можно мне встать на колени?

Бэт быстро ответила.

- Хорошо воспитанные маленькие леди не стоят на коленях.

- По крайней мере в обществе, - добавил Чарльз, подмигнув Эмме.

- Тогда можно мне еще тапиоки?

Чарльз рассмеялся.

Бэт улыбнулась и покачала головой.

- Вы оба неисправимы. - Она обратилась к Эмме. - А что общего имеет стояние на коленях с тапиокой?

- Я же очень, очень хорошо себя вела. - Эмма обратилась к Чарльзу за поддержкой. - Не так ли, мистер Мэссей?

- Прямо золотой ребенок, пончик, - он подозвал официанта и заказал еще одну порцию тапиоки.

Бэт наблюдала за Чарльзом, пока тот болтал с Эммой. В сером костюме из шерсти и белой рубашке с накрахмаленным воротником, подчеркивающим золотистый загар, он приковывал к себе внимание всех женщин, сидящих в этом зале, независимо от возраста. Чарльз был не только красив кроме от крытого обаяния от него веяло простодушием. Любая женщина считала бы за счастье получить предложение от такого мужчины, как Чарльз Мэссей. И если она в своем уме - сказала себе Бэт - она...

Ее мозг застыл на половине фразы. Звуки голосов Чарльза и Эммы растворились так же, как и ощущение времени и пространства Дыхание в горле перехватило от неровного сердцебиения. В дверном проеме, ведущем в вестибюль, стоял Майкл Шогнесси - или мужчина, удивительно похожий на него. В сердце появилась боль которая, как надеялась Бэт, давным-давно умерла.

Мужчина был старше Майкла. Он держался очень уверенно и со спокойным достоинством, которого Майкл в молодости еще не достиг. Волосы мужчины были угольно-черными, а глаза, это было видно даже с такого расстояния, блестели ярко-синим цветом. Но в них сверкали холодность и сарказм, а у Майкла их не было.

Мужчина быстро охватил холодным взглядом переполненный зал, пересек вестибюль и поднялся по лестнице.

- Бэт? - Голос Чарльза плыл к ней откуда-то издалека. - Бэт? Ты побледнела, как полотно. Ты хорошо себя чувствуешь?

Медленно возвращаясь откуда-то из небытия, Бэт повернулась к Чарльзу и опустила дрожащие руки на колени.

- Да. - Она кашлянула и еще раз посмотрела в направлении вестибюля. - Прости, мне просто нужно срочно домой... чтобы поработать. - Голос ее совсем упал.

Чарльз тут же вскочил и дал знак официанту. Явно обеспокоенный произошедшей переменой, он положил руку на спинку стула и помог Бэт встать. Эмма соскочила без всякой помощи, пробралась сквозь лабиринт стульев и столов и уже ждала их у двери.

За пределами отеля Бэт взяла Чарльза под руку и почувствовала себя относительно безопасно. Когда они прогуливались по городским хорошо утоптаным дорожкам, снег, скопившийся по краям узкой улочки, припорошил подол ее юбки. Эмма бежала впереди, исследуя каждую веточку, каждый камень, все, что пробивалось из-под снега.

Короткая прогулка до дома помогла прийти в себя, но Бэт не удалось избавиться от смешанного чувства грусти и страха, которые она испытала, увидев человека, так напоминающего Майкла Шогнесси. Повозки и тележки, экипажи и наездники двигались по улице взад и вперед мимо закрытых в воскресенье магазинов, но даже такое количество звуков не могло рассеять ощущение надвигающегося рока. Ей просто необходимо было остаться одной, разобраться в своем страхе и забыть о нем. Майкла здесь нет. Он никогда не найдет ее. И почему он должен, в конце концов, вообще искать ее после всего, что она сделала?

Конечно же, это был не он, убеждала себя Бэт. Он за сотни миль отсюда, в Бостоне.

Но что если... что если он все-таки нашел ее?

- Чарльз, ты не мог бы отвести Эмму к Филдингам? Марджори приглашала ее снова, а я страшно устала.

Он нахмурился, внимательно следя за Бэт.

- Тебе не станет хуже, если меня не будет? - Она покачала головой:

- Конечно нет. Я хорошо себя чувствую. Мне просто надо отправить картины поездом. Чем быстрее я покончу с этим, тем лучше.

Когда они дошли до тропинки, ведущей к ее крыльцу, Чарльз остановился и взял затянутые в перчатки руки Бэт, в свои. Их морозное дыхание соединилось в ледяном воздухе. Все еще волнуясь за Бэт, Чарльз сказал:

- Я сейчас же вернусь.

- Пожалуйста, не беспокойся. Я и правда хорошо себя чувствую. Мне просто надо было уйти.

- Ты совсем не бережешь себя, Бэт, и это мне не нравится. Стюарт вряд ли бы хотел, чтобы ты вела такой образ жизни.

- Стюарта нет с нами, и он ничего не может поделаться, - отрезала Бэт. Ее укололи слова Чарльза и ей очень хотелось сказать, что Стюарт был скорее ее охранником, чем мужем.

Чарли нахмурился.

- Прости, - произнесла она, обращившись к отелю. - Я сегодня не в себе. Эмма! - позвала Бэт дочь, закутанную в длинное шерстяное пальто. - Мистер Мэссей проводит тебя к Филдингам. - Затем, прикрыв рот рукой, добавила: - Веди себя хорошо с Тимми!

- Опять этот ужасный Тимми? - спросил Чарльз.

- Как всегда, - она взяла его за руку. - Спасибо тебе, дорогой друг.

Он глубоко вздохнул:

- Ты разбиваешь мое сердце, Бэт.

Пока Чарльз шел за Эммой по улице, Бэт, засунув руки в карманы, смотрела на них.

Дома она сбросила пальто, подкинула дров в почти угасший камин и поднялась в спальню, чтобы переодеться в рабочую одежду. В доме было тихо; зимний запах холода и плесени был явным и тяжелым. Когда она расхаживала по спальне, в которую переселилась после смерти Стюарта, половицы протестующе скрипели.

Воспоминания о человеке, похожем на Майкла, не покидали ее. Не забылась и реакция на него. И пока она расстегивала крючки и петли зеленого саржевого платья, совершенно неожиданно явился образ Майкла, обнимающего ее в бостонской квартире.

Она закрыла глаза, стараясь прогнать видение, но темнота только усилила краски сцены. Его руки были теплыми и мягкими, а ласки - нежными. Она припоминала канареечно-желтое платье и туфельки того же цвета, потом - как медленно он снял с нее наряд и осторожно повесил на спинку железной кровати.

Бэт закрыла лицо руками, забыв о работе, и память возвращала ее к деталям того рокового визита. Тогда ей было восемнадцать, и скромной девушке хотелось сделать все, чтобы быть с человеком, которого она любила.

Не привыкшая к азартным играм, она рисковала многим, не думая о последствиях, и проиграла.

Тяжело вздохнув, Бэт вытерла слезы и присела на краешек кровати. За промерзшим окном на окутанных снегом ветках сосны сойка пыталась отыскать корм. Бэт забыла сегодня о крошках для птиц.

В тот день, когда она пришла к Майклу с мольбой сделать ее своей, птицы пели без умолку. Почему она была так уверена, что ее глупый план сработает и правда окажется сильнее лжи?

Теперь, семь лет спустя, все стало намного яснее. А тогда, когда отец узнал о ее тайных встречах с Майклом, она не видела другого выхода. Александр Уэйверли привык к тому, что все без исключения: его служащие, жена и, конечно же, единственный ребенок - выполняли каждое его требование.

Когда Бэт попыталась сопротивляться, он повел себя неразумно.

- Ты знаешь, что я почувствовал, когда Клемменс сказал мне, будто его жена видела тебя и это грязное ирландское отродье из вонючего квартала? - Он не дал ей времени на ответ. - Так вот я почувствовал, что меня предали. Да, предали. Если сын моей сестры, этот идиот Рэндэл хочет иметь проблемы, приручая угнетенных и обездоленных, это его дело, но я не подпущу свою дочь к этому выродку, к этому пьянице ирландцу.

- Папа, Майкл не...

- Он точно такой же, как и все остальные. За ним следили. Я знаю точно, где он живет и откуда он родом. Его братья - пьянчуги, перебивающиеся заработками на мельнице. Один из них не может уплатить ренту и его ждут выселение и лишение имущества. Его мать живет в нищете и грязи с двумя такими же грязными дочерьми-подростками, которые скоро, не пройдет и года, очутятся на панели, вот увидишь.

- Я не хочу этого слушать, папа. Ты сам не знаешь, что говоришь. Майкл работает на двух работах, чтобы помочь родным и закончить университет. Он пьет не больше, чем ты, и он... - Бэт побледнела, когда отец приблизился, чтобы ударить ее, но не сошла с места.

Отец понизил голос до угрожающего шепота:

- Если он только дотронется до тебя...

Тут ворвалась в комнату мать и встала между ними:

- Александр, пожалуйста!

- Не вмешивайся, Вирджиния. Я не позволю, чтобы за моей дочерью таскался ирландец.

- Я не думаю... - снова попыталась вставить мать.

- Если у Офелии Клемменс все такой же длинный язык, об этом уже знает весь город, - он повернулся к Бэт. На этот раз злость уступила холодной решительности. - Тебе, юная леди, уже 18 лет. Пора замуж, и с глаз моих долой. Я намерен начать все приготовления к этому событию прямо сегодня, иначе будет слишком поздно и ни один приличный мужчина не захочет жениться на тебе.

Он выбежал из дома, оставив в потрясении мать и Бэт.

Шум у входной двери прервал ее воспоминания. Бэт быстро сбросила с себя зеленый сарж (если бы можно было вот так легко избавиться от прошлого) Из шкафа она вынула запачканное краской поблекшее кашемировое платье, накинула его, торопливо застегивая верхние пуговицы, и спустилась по лестнице.

- Иду, Чарли, - торопливо крикнула Бэт Последняя пуговица была застегнута до того, как она добежала до двери и открыла ее.

Вместе с холодным воздухом в дом вошло ее прошлое. Бэт стояла, застыв в дверях.

Ее губы двигались, но не было слышно ни звука.

Это был Майкл.

Он стоял в дверном проеме, сердце художницы сжалось. Майкл стал выше, чем Бэт его

помнила, шире. Это был зрелый мужчина, а не тот стройный двадцатидвухлетний юноша. Одежда на нем была ошеломляюще черного цвета, отвороты элегантного кашемирового пальто отливали эбонитово-черным бархатом. Она оценила это сразу, но взгляд ее был прикован прежде всего к пронзительным синим глазам. Казалось, они смотрят не только на нее, но и сквозь нее.

Наконец, он сделал первое движение: свернул листок бумаги и положил его в карман пальто.

Бэт произнесла:

- Майкл? - Звук получился сдавленным. Ей пришлось кашлянуть, прежде чем начать снова. - Входи, пожалуйста.

Когда Майкл переступил порог, то впервые в жизни почувствовал такой сильный страх. Он снял шляпу и стал вертеть ее в руках, не зная, пригласят ли его остаться или выпроводят вон прежде, чем придет муж. Майкл видел, как колебалась женщина, закрывая дверь. Она стояла рядом, явно нервничая.

Молодого человека будто окатили холодной водой. Бэт выглядела так же, как и раньше, только похудела. Ее карие глаза были такими же глубокими и теплыми, а губы - привлекающими. У нее были густые блестящие волосы, уложенные в простую прическу с узлом на макушке. Выцветшее платье носило следы масляных подтеков и краски. Запах скипидара наполнил воздух.

Бэт пристально смотрела на него, ожидая объяснений от вошедшего. Майкл же полагал, что это она должна объяснить ему все, и ждал, пока заговорит женщина.

- Можешь снять пальто, - сказала она.

Медленными, размеренными движениями он молча расстегнул пальто и передал его Бэт вместе со шляпой. Она повесила его одежду на вешалку.

- Не хочешь ли кофе? - предложила она.

- Твой муж дома? - одновременно спросил он.

Майкл увидел, что Бэт потупила взгляд. Она сжала руки, облизала пересохшие губы и ответила, покачав головой:

- Его нет.

Майкл знал, что если бы он сам не воздвиг стену между ними, то ему было бы трудно удержаться и не обнять ее со всей силой. Как она могла выдерживать такой спокойный тон?

- Хорошо, тогда я выпью кофе, - произнес он резко.

Когда Бэт торопливо выходила из комнаты, Майкл наблюдал за ней. Он ожидал, что женщина живет богато. А оказалось, что одета она была в поношенное платье, годное только для мешка старьевщика и жила в маленьком доме, требующем ремонта.

Когда Бэт исчезла за кухонной дверью, он быстро оглядел комнату. Потолок требовал ремонта. На обоях виднелись подтеки в местах, где протекали рамы. Ковер у камина так вытерт, что рисунок невозможно различить. В комнате было смертельно холодно, и в воздухе висел запах

скипидара.

Стащив с рук перчатки, стоимшие столько, сколько вся драпировка для гостиной, он с раздражением похлопал ими по бедру. Ну, возможно, ее муж скряга, но отец? Неужели ее знаменитый отец Александр Уэйверли забыл, как живет его дочь? Знает ли он об этом?

Майкл медленно обошел диван и стулья у камина и стал рассматривать фотографии в серебряных рамках на маленьком круглом столике. Он поднял один из снимков и стал внимательно изучать лицо пожилого лысого человека с тяжелой челюстью, широкими бакенбардами и обвисшими усами.

«Это не Александр Уэйверли. Наверное, свекор», – решил он, поставив фотографию на место. Рядом стояло фото Бэт в детстве. Она широко улыбалась, бант украшал черные волосы, такая маленькая морячка в матросском костюмчике. Он хотел взять фотографию в руки, но остановился, услышав, что женщина возится на кухне.

За кухонной дверью Бэт с нетерпением ждала, когда закипит кофе. Стараясь не подсматривать из-за двери за действиями в гостиной Майкла Шогнесси, она занялась тем, что переставляла на покрытом салфетками подносе две чашки, сливочник и сахарницу.

Часы в нише пробили три. Звук обеспокоил ее. А Чарли? Она не верила, что он, проводив Эмму к Филдингам, уйдет домой, не узнав, как ее дела. Он всегда держал слово. Что она будет делать, если Чарли придет, а Майкл будет здесь? А если он не придет, что ей делать? Как ей объяснить Майклу, кто есть кто? И зачем она лгала? Когда Майкл спросил, дома ли муж, Бэт сказала «нет» в надежде, что он уйдет, чтобы не встречаться со Стюартом.

Бэт налила холодной воды в кастрюлю, опустила туда обе руки, а затем приложила ладони к щекам, чтобы немного остудить их. Щеки пылали, руки тряслись. Колени были слабыми, как желе. Ей хотелось и плакать, и смеяться в один и тот же момент.

Возьми себя в руки, Бэт.

Вот и кофе готов: густой, пьянящий запах заполнил теплую кухню. Она быстро налила обе чашки, затем нашла бутылку с молоком в леднике и отлила немного в сливочник. Два глубоких вдоха помогли убедить себя, что поднос не упадет, прежде чем она дойдет до гостиной. Бэт толкнула кухонную дверь и чуть не налетела на Майкла, который стоял у шкафа в столовой. Он внимательно рассматривал рисунки, но тотчас, как Бэт вошла, повернулся к ней:

– Так это ты, та самая Б. Браун? – Майкл понял происхождение поношенного платья, а также стойкого запаха скипидара и краски. Брови Майкла приподнялись, он видел колебания женщины.

Бэт, поставив поднос, пожала плечами.

– Да, – ей было трудно скрыть настороженность. – Почему ты спрашиваешь?

– У меня магазин в Дэнвере. Я закупаю твои открытки уже 3 года. Они пользуются спросом.

Ее удивление было очевидным. «Дэнвер? « Так близко!

– Мы ожидаем открытки ко дню святого Валентина от Уитни. Но судя по тому, что я увидел, в этом году товар запоздает.

- Открытки будут готовы в срок. У меня еще есть время до середины следующей недели, чтобы закончить работу и отправить все в Бостон.

Они оба подумали о том давнем поздравлении.

Никто не притронулся к кофе.

Майкл повернулся и пошел в гостиную, не в состоянии смотреть на ее испуганное лицо. Почему она выглядит страдающей, хотя именно его когда-то бросили?

На расстоянии от Бэт Майкл почувствовал себя более спокойно.

- На западе никому нет дела, откуда ты. Всех интересует только то, куда ты идешь.

- Кажется, ты преуспеваешь. - Она оглядела свой жалкий наряд и пожалела, что так быстро переделалась. Что Майкл мог подумать, увидев дом в таком состоянии?

Он старался придать голосу беззаботное выражение:

- У меня есть все, что я желаю.

Совсем забыв о кофе, Бэт вышла из столовой и подошла к Майклу. В доме было тихо, только огонь потрескивал в камине и медленно тикали часы. Он намеревался действовать прямо и сразу решить все вопросы, а потом уйти.

- Когда вернется твой муж?

Бэт нервно затеребила рукав платья, выглянула в разрисованное морозом окно и сделала вид, что не поняла вопроса. И только когда Майкл собрался спросить ее еще раз, она выпалила:

- Он умер.

- Умер? - молодой человек не мог поверить в это. Частично его опасения исчезли.

- Еще три года назад.

Он вновь огляделся. Значит, тот человек оставил ее ни с чем?

- Ты живешь здесь одна?

- Я...

Прежде, чем она успела ответить, дверь распахнулась, и вошел Чарльз:

- Извини, что я задержался. Мне пришлось остаться на чай у Филдингов. Куклы и сладости...

Майкл холодно посмотрел на улыбающегося светловолосого мужчину. Затем, не обращая на вошедшего никакого внимания, медленно перевел взгляд на Бэт. Она некоторое время не решалась начать разговор, но вскоре нашлась:

- Чарльз, это... мой старый друг из Бостона. Майкл Шогнесси, это - Чарльз Мэссей.

Оба кивнули друг другу, не отводя взглядов, будто олени-самцы, готовые ринуться в бой из-за самки. Бэт почувствовала, как кровь отлила от лица, и только чудом не потеряла сознание.

Майкл стоял неестественно прямо, одна рука была сжата в кулак, глаза требовали объяснения. Бэт нарушила это тревожное молчание:

- Как долго Вы пробудете в Теллуриде, мистер Шогнесси?

Майкл не отрывал взгляда от Бэт.

- У меня здесь незавершенное дело. Уеду, как только его улажу.

Бэт почувствовала, как дрожь пробежала по позвоночнику и пожалела, что не осмелилась спросить прямо, зачем он приехал.

Майкл вновь обратился к женщине.

- Можно ли мне зайти к Вам завтра, миссис Браун?

По выражению лица Майкла можно было догадаться, что его устраивает лишь один ответ.

- Да, конечно. - Отвечая на вопрос, Бэт уже размышляла о завтрашнем дне. Ей придется отослать Эмму к соседям. - В два часа будет удобно.

Майкл вежливо поклонился.

- Что ж, до завтра.

Ей следовало проводить его к выходу и сказать ему как полагается «до свидания». Но ноги налились свинцом. Она не тронулась с места.

- Я найду выход, провожать не надо. - Схватив вещи, Майкл накинул пальто и быстро вышел.

Сразу после того, как Майкл ушел, Чарльз повернулся к художнице.

- Кто это был?

- Я сказала уже, - неуверенно ответила Бэт. - Старый друг из Бостона.

- Ты никогда раньше о нем не вспоминала. - Чарльз прошел вслед за женщиной в столовую.

- Кофе? - Бэт взяла в руки еще теплую чашку.

- Бэт?

Она поставила чашку снова.

- Раньше не было повода для разговора о нем.

- Есть какая-то связь между его появлением и твоим поведением в отеле?

- Нет. Нет, я...

- Ты выглядишь так, как будто тебе снова станет плохо. - Через мгновение он уже поддвигал стул, поддерживая Бэт за локоть. - Если этот человек чем-то расстроит тебя, то одно твое слово и...

- Нет! - ответ вырвался непроизвольно, и она поняла это, когда заметила пристальный взгляд

Чарльза. – Нет ничего страшного. Майкл – старый друг моего двоюродного брата, – поспешно добавила она.

Положив руку на спинку стула, Чарльз присел перед ней.

– Я знаю тебя с тех пор, как ты приехала в Теллурид. Я был твоим другом и другом Стюарта с тех пор, как Эмме исполнился год. За все это время ты никогда не говорила о своей семье, я ни разу не спрашивал о ней, потому что Стюарт предупредил меня: это – запретная тема. Сейчас ты бледна, как полотно, и говоришь мне, что этот мужчина – друг твоего родственника. Чему же я должен верить?

Бэт положила руки на колени и спокойно произнесла:

– Ты должен верить мне. Майкл был потрясен смертью Стюарта, вот и все. Уверена, что завтра мы все выясним, и он уедет домой в Дэнвер.

«Боже, как это близко», – подумала Бэт Чарльз взял ее руки в свои:

– Ты совсем заледенела.

Она не могла встретиться с ним взглядом, поэтому смотрела на шкаф, заваленный незаконченными рисунками. Невинные голубоглазые херувимы резвились среди лент и цветочков; один плыл в лодке по спокойной воде. Ей так много еще надо сделать. Ей совершенно не нужен такой надрыв.

Бэт пришла в себя и собралась с силами. С натянутой улыбкой она сжала руки Чарли, чтобы ободрить его и убедить, что с ней все в порядке.

– Ты такой милый. А теперь мне надо работать. Эмма вернется домой, а я и не замечу.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Бэт прикрыла глаза так, будто он сказал что-то очень глупое:

– Ну конечно.

Чарльз встал, сделал глоток кофе, затем поставил чашку на место и направился к двери.

– Чарли?

Он обернулся, задержав руку на двери.

– Ты не мог бы зайти за Эммой завтра около половины второго, тогда Майкл сможет спокойно объяснить мне цель своего визита. – Она видела, что Чарльз выдавил из себя улыбку.

Он внимательно посмотрел на нее, а затем кивнул.

– Конечно. Я приду вовремя.

Затем он махнул рукой ей на прощание.

Когда дверь закрылась, Бэт упала на стул и уставилась в пространство.

В ресторане Майкл не обращал ни на кого внимания. Он вынул золотые часы из кармана жилета и проверил время. Час дня. Борясь с нервным спазмом в желудке, Майкл захлопнул крышку часов и убрал их в карман. Подошел официант, предлагая второй стакан Бургунди к обеду. Майкл отказался, так как хотел сохранить трезвый ум для встречи с Бэт.

Вчера он потерпел фиаско. Все его разумные мысли куда-то сразу улетучились. Сейчас же, когда Майкл вспоминал встречу, то понимал, что вел себя напыщенно и высокомерно. Но после такого количества нервных потрясений он едва ли мог винить себя. То, что он вообще смог найти ее, само по себе было удивительным. С другой стороны, Майкл считал, что Бэт овдовела. Но еще есть Чарльз Мэссей. Кто он для Бэт? Какую роль играет в ее жизни? Друг? Доверенное лицо? Любовник? Бэт ни слова не сказала о человеке, который так свободно вошел в ее дом, будто жил там.

Майкл откинулся на спинку стула. Дом Бэт был недалеко, так что можно было не спешить. Ее жилище было совсем не таким, как он ожидал увидеть. Вместо внушительного поместья, напоминающего то, в котором она выросла, нынешний дом был маленьким двухэтажным зданием, выкрашенным синей и желтой краской, уже успевшей выгореть. Да и комнаты удивили его. Хотя внутри и чувствовалось тихое очарование, но в глаза бросались потертые ковры, выцветшие обои, облезающая краска. Многие годы Майкл считал, что Бэт оставила его, чтобы выйти замуж из-за денег. Если это так, где же богатство?

Бэт Уэйверли, женщина, которую он хотел, но не мог забыть, была все такой же, какой он ее помнил, хотя немного изменилась. Неважно, о чем говорит бедная обстановка в ее доме. Она теперь Бэт Браун, художница, известная всей стране благодаря своим милым рисункам на поздравительных открытках. Всегда ли она обладала этим талантом? Когда они оба жили в Бостоне, Бэт никогда не упоминала об этом. Или безвыходная ситуация заставила ее заняться таким промыслом, чтобы обеспечить жизнь, или ей на самом деле нравилось это искусство и ее тихий, скромный уголок?

Если это так, то образ любимой женщины, заботливо созданный и хранимый им, был ложным. Почему она бросила его? Теперь он еще сильнее хотел это узнать.

Майкл услышал, как часы в вестибюле пробили два, и встал из-за стола. Он уже опаздывал.

На этот раз Бэт не хотела быть застигнутой врасплох. Она взбила отделанную бахромой подушку и положила ее на диван, а затем посмотрела на настенные часы. Майкл опаздывал. Был ясный холодный день. Лед, замерзший на окне, создавал калейдоскоп из разноцветных солнечных лучей, танцующих по комнате. Может, он вообще не придет?

Решив не поддаваться чувствам, вызванным появлением Майкла Шогнесси, Бэт разгладила юбку и пошла в столовую, чтобы проверить последние рисунки. Чарльз ничего не сказал, когда пришел за Эммой, но Бэт была уверена, что он понял, для кого было надето ее лучшее платье. Чарльз был вежлив и даже весел с Эммой, но в его веселой улыбке проглядывала грусть. Бэт знала, что ему нужны объяснения, но он был слишком воспитан, чтобы потребовать их.

Стоя перед шкафом, Бэт взяла в руки самую последнюю работу. Улыбающийся на фоне леса херувим с мягко-розовыми крыльями держал колчан со стрелами. Золотой овал окружал сцену, как нимб, и под изображением она написала красивыми буквами следующие строчки: «Есть сердце у каждого на Земле, свое я предлагаю тебе! Оно всегда верно и преданно будет, тебя оно никогда не забудет».

Если Майкл увидит эти слова, то вспомнит ли ту давнишнюю открытку?

Когда-то она отдала ему свое сердце. Догадывался ли этот Майкл Шогнесси – человек с холодным, циничным взглядом – что ее сердце все еще в его руках?

Услышав стук в дверь, Бэт отодвинула картинку и повернула ее к стене. Она глубоко вздохнула и пробежала руками по поясу юбки, поправляя складки. Обещая себе, что сегодня она будет на высоте, Бэт направилась к двери.

– Здравствуй, Майкл.

– Бэт!

Она разглядывала его чуть дольше, чем полагалось.

– Можно войти?

Бэт отступила и распахнула дверь.

– Да, пожалуйста. – Она тяжело вздохнула. – Майкл, я...

Он прервал ее:

– Я удивлен, что здесь нет Мэссея. – Бэт нахмурилась.

– Зачем ты говоришь о нем?

Он пожал плечами.

– Мне показалось, что он был не слишком доволен, когда я попросил разрешения встретиться с тобой сегодня.

– Это не его дело, с кем я встречаюсь. – Бэт прошла в комнату.

– Неужели?

Бэт резко повернулась к нему:

– Да, именно так.

Он все еще стоял у двери со шляпой в руке, в расстегнутом пальто, в шерстяном шарфе, не закрывающем шею. Глаза его были ярко-синими, эбонитово-черные волосы зачесаны наверх. Как всегда его кожа была загорелой. Бэт выглядела рядом с ним бледной.

Пересилив себя, она «забыла» об обязанностях хозяйки дома и не предложила Майклу снять пальто и присесть.

– Что ты делаешь здесь, Майкл? Чего ты хочешь? – На самом же деле ей хотелось спросить. «Как ты нашел меня?»

Майкл сжал шляпу в руке с такой силой, что пальцы побелели.

Его голос звучал тихо, и Бэт едва разбирала слова, которые произносил Майкл:

– Я пришел спросить тебя, почему ты уехала из Бостона. Почему ты бросила меня, почему исчезла, не оставив даже записки?

Хотя Бэт ожидала подобных вопросов, она не была готова к такой прямоте и резкости и не могла сказать ему правду.

Его взгляд вынудил Бэт отвести глаза.

- Я жду, - сказал Майкл.

- Не стоит ли нам присесть и поговорить как двум взрослым людям?

Он покачал головой.

- Я не знаю. Стоит ли? Ты хочешь поговорить обо всем?

- Поддай мне свою одежду. - Бэт протянула руки и взяла его тяжелое шерстяное пальто, шляпу и шарф. Майкл присел на краешке дивана.

Развешивая вещи, Бэт пробовала придумать правдоподобное объяснение. Когда она взглянула в зеркало, то увидела грустные, тревожные глаза женщины, пытающейся избежать правдивого рассказа.

- Не хочешь ли чашечку коф... - Он вновь нетерпеливо прервал ее:

- Ничего не надо.

Она села в кресло с высокой спинкой напротив него. Это было кресло Стюарта. Но это не придало ей смелости. Бэт вновь встретилась взглядом с Майклом.

- Как ты разыскал меня?

- Во время праздников твой двоюродный брат Рэндэл был проездом в Дэнвере. Я спросил его, где ты. Он ответил, что вряд ли это уже имеет значение после стольких лет. - Майкл попытался расположиться поудобнее, как человек, привычный к более комфортным условиям.

- Мне необходимо знать, почему ты исчезла сразу после...

Выражение ее лица, должно быть, остановило его, так как он закончил словами: «после того, что случилось».

- Мои родители узнали о... о моем визите к тебе.

Напряжение Майкла стало заметным.

- Как?

Бэт теребила пальцами юбку, стараясь унять их дрожь.

- Я им сказала, - мягко ответила она.

- Зачем?

Удивляясь тому, как легко ей удастся справиться со слезами, Бэт взглянула на мужчину еще раз. Он по-прежнему сидел на краю маленького дивана с таким выражением лица, будто сейчас набросится на нее.

- Мой отец узнал о наших встречах в парке от одной из подруг моей матери, увидевшей нас в

день последнего свидания. Отец был в ярости. Он нанял кого-то, чтобы узнать все о тебе и твоей семье.

- Моей семье? - Майкл почувствовал, как у него похолодело в груди. Ему захотелось, чтобы Александр Уэйверли оказался сейчас здесь. - Наверное, он рассказал тебе о моем пьянице-брате, о матери, живущей в нищете, и ты сбежала, как испуганный заяц.

- Обстоятельства не имели для меня никакого значения, ты знаешь это, Майкл. Отец угрожал выдать меня замуж к концу недели, чтобы покончить со слухами. Так что я действительно убежала. К тебе в объятия. Я думала, что если я. если мы... - Она так хотела, чтобы Майкл понял ее. - Я думала, что после нашей близости он ничего не сможет поделать.

- Но ты явно ошиблась.

Бэт встала и направилась к камину. Она поняла, что должна рассказать правду Майклу, пристально наблюдающему за ней.

- Да, я ошиблась. Отец запер меня в комнате. Он нашел человека, который ему задолжал, человека, который мог взять грязный товар в обмен на чистое имя и оплаченные долги. Стюарт Браун был родом из уважаемой бостонской семьи. Он потерял состояние из-за неудачных капиталовложений и трех взрослых сыновей, пустивших все по ветру.

- Взрослые сыновья?

- Стюарту был 51 год, когда мы поженились. Не в состоянии представить себе восемнадцатилетнюю девушку в руках мужчины, который годился ей в дедушки, Майкл встал, прошелся по комнате и выглянул в окно. Пока он стоял, повернувшись спиной, Бэт вновь обрела спокойствие.

- А теперь, когда Стюарта нет в живых, кем тебе приходится Чарльз Мэссей?

- Что именно тебя интересует?

Майкл отошел от окна и подошел ближе.

- Кем он тебе приходится?

Полная негодования, Бэт не выдержала.

- Я рассказала тебе все, что ты хотел знать. Больше я не должна тебе ничего, тем более разьяснять обстоятельства моей личной жизни.

Мгновенно он очутился рядом с ней. Не в состоянии справиться с собой, Майкл схватил Бэт за плечи и прижал к себе.

- Ну? - потребовал он ответа.

Даже его запах был таким знакомым. Рассматривая Майкла, Бэт заметила у его глаз мелкие черточки, оставленные временем. Хотя Майкл крепко сжимал ее своими большими руками, Бэт чувствовала, что он сдерживает свою силу.

- Ты изменился, - прошептала она.

- Если это на самом деле так, то из-за тебя.

Бэт покачала головой и вновь постаралась сдержать слезы.

- Прости, Майкл. Мне было всего лишь 18 лет. У меня не было сил, чтобы избежать этого замужества.

Майкл смотрел в карие глаза, полные слез. Понимая, что она права, что тогда он тоже был беспомощен, Майкл еще больше возненавидел Александра Уэйверли. Он пришел в особняк Уэйверли после тайной встречи с Бэт, но его не впустил слуга, который заявил, что мисс Уэйверли отбыла куда-то утром и в ближайшем будущем ее приезда в Бостон не предвидится.

Теперь он видел, как она пыталась взять себя в руки. Вид ее дрожащих губ, близость ее тела выводили его самого из равновесия.

- Все кончено, Майкл, - неубедительно прошептала Бэт. - Все в прошлом, и об этом пора забыть.

- Неужели? Неужели, Бэт? Неужели ты все забыла? Хочешь уверить меня, что не вспоминаешь наши встречи каждый день? А ты когда-нибудь думала о том, каково мне?

Она дотронулась до шелкового жилета под расстегнутым пиджаком и оттолкнула Майкла:

- Пусти меня.

Он немного раздумывал, выполнить ли ее просьбу Майкл слишком долго ждал этого момента, слишком часто мечтал о нем, чтобы дать ей уйти. Вместо этого он поцеловал Бэт и крепко прижал к себе, чтобы она не смогла вырваться.

В тот момент, когда они поцеловались, Бэт поняла, что у нее нет сил сопротивляться. Вместо этого она прижалась к нему так, как женщина закутывается в шаль в холодный день. Его поцелуй не был нежным. Он выдавал его желание навсегда оставить в памяти этот момент, чтобы ни случилось с ними дальше. Бэт почувствовала, как тает все больше под чарами его поцелуев и ласк, сознавая в глубине души, что ей надо побороть себя, взять в руки и сдержать эмоции. Она собрала все силы и прервала поцелуй.

Не в состоянии произнести ни звука, Бэт отступила на шаг и оказалась в ловушке между Майклом и подставкой для дров.

- Пожалуйста, уходи.

Его неприятно поразило отчаянное выражение ее лица. И все же он не жалел о том, что так поступил. Ответная реакция Бэт доказывала то, о чем он и подозревал: в глубине души она любила его.

- Ты ведь не хочешь, чтобы я ушел.

- Нет, хочу. Сейчас дело уже не только в нас. Есть еще один человек. Наши тропинки разошлись. Назад возврата нет.

«Откуда этот панический страх? Чего она боится? Что скрывает?» - думал Майкл.

- Однажды ты просила меня о близости. Теперь настал мой черед. Ты должна мне. - Он взял Бэт за руку, которую она пыталась спрятать в складках юбки. - Пойдем со мной наверх, Бэт. Сейчас, всего лишь один раз. Потом, если захочешь, я навсегда исчезну из твоей жизни.

- Как ты смеешь даже просить меня об этом? - Произнося эти слова, Бэт почувствовала нежное прикосновение пальцев, поглаживающих ее ладонь. Ей хотелось растаять в его объятиях, поддаться его просьбе и пойти с ним наверх. Именно об этом мечтала она долгие, полные одиночества годы, когда, прислушиваясь к храпу Стюарта, она не спала и думала о Майкле.

Он умолял ее:

- Ты как сладкий сон, от которого я не могу пробудиться. Если ты не любишь меня, то прогони.

Бэт думала, что это, может быть, положит конец ее мучениям и бессонным ночам. Но сможет ли она забыть Майкла и с чистым сердцем выйти замуж за Чарльза? Будет ли это прощанием навеки?

Ее разум говорил «нет». Надо думать об Эмме, не говоря уже о своей репутации в городке. Нет. Приняв твердое решение, Бэт выпрямилась и стойко встретила его взгляд.

- Нет. Есть старая пословица: «Зла злом не поправишь». Пожалуйста, Майкл, уходи, и уходи сейчас же.

Он выпустил ее руку, но не отошел.

- Я богат, Бэт. Даже твой отец не стал бы возражать теперь.

Майкл пожалел об этих словах сразу же, как только произнес. Он и раньше собирался сказать ей об этом, но не хотел выставлять свое богатство напоказ, бросая такие слова ей в лицо.

- Я не виделась со своей семьей со дня моей свадьбы.

Майкл был потрясен, но не показал этого. Бэт продолжала:

- Меня не волнует, сколько у тебя денег, и никогда не волновало.

Он смущенно пригладил волосы и расправил пиджак на широких плечах.

- Теперь я это понял. Прости, что сомневался.

Он уходил. Невероятно, но Бэт чувствовала и облегчение, и панику в одно и то же время. Все кончено. Майкл Шогнесси был готов безвозвратно уйти из ее дома, из ее жизни.

На пути к выходу он остановился у столика, заставленного фотографиями. Бэт затаила дыхание, когда он поднял фотографию Эммы и пристально посмотрел на нее.

- Ты была красавицей уже в детстве. - Черно-белое изображение скрывало настоящий цвет Эмминых смеющихся глаз и ее блестящих эбонитово-черных волос. Бэт ничего не сказала.

Когда Майкл шел по комнате, подошвы ботинок казались ему свинцовыми. Он узнал все, что хотел, но не получил удовлетворения от правды. Хотя Бэт оставила его не по своей воле, но барьер между ними уже непреодолим. Возможно, она права, прошло слишком много времени. Будучи замужем за одним человеком, она на всякий случай имела Чарльза Мэссея. В ее жизни уже не было места для Майкла Шогнесси.

Он надел пальто, накинул шарф, взял шляпу. Повернувшись к Бэт, Майкл увидел, что она все еще стоит у камина, и ее губы довольно решительно сжаты.

Майкл открыл дверь, затем остановился на пороге:

- Всего хорошего, Бэт. - Она не произнесла ни слова. Он закрыл дверь и исчез.

Бэт подождала, пока затихнут звуки его шагов, а затем, как лунатик, прошла через гостиную и поднялась вверх по лестнице. Дойдя до залитой солнцем спальни, она задернула занавески, даже не взглянув в окно на инкрустированные снегом ветви деревьев, легла на кровать, уткнулась головой в подушку и, наконец, заплакала. Все кончено.

По дороге на Колорадо авеню Майкл повторял в уме эти слова, которые преследовали его со вчерашнего дня. Он встретил Бэт Уэйверли и понял, что потерял ее навсегда.

Внимательно и осторожно, избегая выбоин и ям, заполненных подтаявшим льдом, смешанным с грязью, Майкл перешел оживленную главную улицу с желанием сбросить груз отрицательных эмоций до отъезда в Дэнвер. Миновав банк, он подождал на перекрестке, пока проедет повозка, запряженная мулами. Впереди Майкл увидел Чарльза Мэссея. Тот выходил на тротуар и запирали двери.

Майкл пошел дальше. Любопытство заставило его поздороваться с человеком, который пользовался благосклонностью Бэт.

- Доброе утро, Мэссей.

Чарльз Мэссей даже не пытался улыбнуться.

- Привет, Шогнесси.

Майкл взглянул на пустой магазин.

- Ваш?

- Да. У меня пять таких здесь, на Колорадо авеню. А этот приготовлен для сдачи внаем.

- Можно взглянуть?

Чарльз с подозрением посмотрел на него.

- Для чего?

Майкл пожал плечами. Ему показалось, что в глазах Чарльза промелькнуло беспокойство. Возможно, этот человек, который добивается сердца Бэт, вовсе не чувствует себя уверенно.

- Кто знает. Возможно, я открою еще один магазин здесь, в Теллуриде. До меня доходят слухи, что шахты почти пусты, но обстановка в городе кажется стабильной.

Хотя на лице Чарльза появилось сомнение, он все же вставил ключ в замок и толкнул дверь внутрь.

- Каким бизнесом Вы занимаетесь?

Майкл шел за Чарльзом след в след, почти вплотную.

- У меня «Олгудз» - крупнейший магазин в Дэнвере. Я планирую создать сеть таких магазинов.

Мэссей закрыл дверь. Комната с высоким потолком была длинной и узкой, с дощатым полом. Окна почти достигали потолка и помещение было залито светом. Но печь не топилась, и внутри было так же холодно, как на улице.

Майкл огляделся, давая себе отчет, что не собирается арендовать это помещение. Он наблюдал за Чарльзом – высоким, светловолосым, красивым мужчиной. Мэссей был полной противоположностью Майклу, общим было только одно – сила и рост. Неужели это тот человек, которого любит Бэт? Внешне он представлял собой символ успеха и процветания. Что-то в нем внушало доверие. Если бы Майклу предстояло выбирать мужа для Бэт, он остановился бы на кандидатуре Чарльза Мэссея.

Чарльз посмотрел в окно и повернулся к Майклу.

– Стюарт Браун был моим другом, – не спеша начал он. – Я знал его с той поры, как они с Бэт переехали сюда из Бостона.

Пораженный холодным и вызывающим тоном Чарльза, Майкл полностью переключил свое внимание на него.

– Продолжайте.

– Я не знаю, чем Вы здесь занимаетесь, но знаю, что после Вашего посещения Бэт была очень расстроена. Я сделал ей предложение, и моя святая обязанность позаботиться о том, чтобы Вы не досаждали ей больше.

Значит, несмотря на внешнюю решительность, Бэт расстроилась, когда попросила его уйти. Майкл медленно снял одну перчатку, затем другую и увидел, как насторожился Мэссей. Майкл сказал:

– Когда я уходил, она не была расстроена. Наоборот, она казалась довольно спокойной, спокойной и решительной.

– Когда мы вернулись домой, Бэт спустилась из спальни заплаканной. Она пыталась убедить меня в том, что вспомнила о Стюарте, но я не поверил ни единому ее слову. Стюарт умер три года назад, и я не помню, чтобы она когда-либо проронила слезу. Поэтому я сделал вывод, что ее состояние может быть делом только Ваших рук, Шогнесси.

Майкл не знал, что и думать. Может, его нападки действительно довели Бэт до слез? Может, она почувствовала себя такой же покинутой и несчастной, как и он сам?

– Я люблю Бэт и Эмму, – продолжал Мэссей, – именно поэтому я прошу Вас как джентльмена оставить их в покое.

Их? Майкл насторожился.

– Эмма?

Чарльз Мэссей нахмурился.

– Да, Эмма Браун. Дочь Бэт.

Дочь Бэт? Майкл натягивал перчатки и инстинктивно догадывался, что здесь что-то не так. Он не видел ребенка, и Бэт не упомянула о нем. Возможно, девочка уже большая, тогда это

ребенок Стюарта Брауна от первой жены. Не желая проявлять слабость и дать Чарльзу захватить себя врасплох, Майкл скрыл свое потрясение и изменил тему разговора.

- И какова плата за аренду? - он еще раз окинул взглядом помещение.

- 10 долларов в месяц.

- Круто.

- На Колорадо нет больше свободных помещений. - Чарльз направился к двери, открыл ее и стал ждать, когда Майкл выйдет на улицу. - Шогнесси...

Майклу не понравился тон Чарльза.

- Что?

- Надеюсь, Вы восприняли мои слова всерьез. Оставьте Бэт в покое.

Майкл резко натянул перчатки. Мимо проехал дилижанс, разбрызгивая грязь по краям обочины. Чуть дальше наездник кричал на парикмахера, сбитого им с ног. Майкл улыбнулся Чарльзу Мэссею и коснулся кончиками пальцев шляпы.

- Я сделаю так, как буду считать нужным Мэссей. Ваше предупреждение совершенно не пугает меня.

Прежде чем Чарльз смог что-либо сказать Майкл гордо двинулся по направлению к отелю «Шеридан».

Бэт крепко прижимала к себе сверток с законченными рисунками и наблюдала, как Эмма прокладывала себе дорожку по заметенной снегом тропке, ведущей к железнодорожной станции Рио Гранде Южный. Даже шалости дочери не могли поднять ее настроение. Вчера, выпроводив Майкла, она поняла, что это серьезный поступок, который она когда-либо совершала. Затем Чарльз попросил объяснить причину ее слез. Во время разговора с ним Бэт решительно отказывалась признаться в том, что страдает из-за Майкла. Она так далеко зашла в своей лжи, что заявила, будто плакала по Стюарту. Теперь ей было стыдно. Стюарт ни когда ничего не требовал от нее, женившись на Бэт, он так и жил холостяком. Бэт скучала по нему, но не более того. Поэтому выносить собственную ложь было еще тяжелее.

Городок в три часа дня был пуст. Только несколько лошадей тянули рельсы по улице. Майкл сдержал слово и больше не искал встречи с Бэт, которая полагала, что он еще рано утром уехал в Дэнвер.

Затянется ли когда-нибудь ее сердечная рана?

- Эмма! - окликнула Бэт ребенка, стремглав мчавшегося впереди. - Подожди маму!

- Поторопись, соня, - смеялась Эмма. Ее черные кудряшки, бойко разлетающиеся в разные стороны, в лучах солнца создавали яркий нимб. Улыбка, которую она дарила Бэт, была такой милой и заставляла сердце матери биться учащенно.

Бэт почти подошла к платформе, когда разглядела знакомую фигуру в длинном черном пальто и бобровой шапке, с сумкой в руке,двигающуюся с противоположной стороны платформы. В испуге Бэт посмотрела направо, налево, затем на Эмму, которая уже карабкалась вверх по

ступеням платформы. Она в ловушке. Бежать некуда.

Майкл увидел ее секундой позже. Он крепче сжал сумку и заставил себя идти вперед, ей навстречу. Они приближались к лестнице одновременно.

- Бэт, - кивнул вежливо он.

- Уезжаешь? - спросила она.

- Верно.

Майкл отошел в сторону, чтобы дать дорогу прохожему. Бэт крепче сжала сверток.

Никто из них не решался пойти дальше, оба пристально смотрели друг на друга и пытались запомнить любимый образ на всю жизнь.

- Мама!

Крик испугал Бэт так, что она вздрогнула. «Эмма», - пронеслось в ее голове. О, боже. Эмма и Майкл вместе. Она совсем упала духом, думая о том, что как ни старалась предотвратить эту встречу, она оказалась неизбежной.

Майклу показалось, что его окатили сначала горячей, а потом ледяной водой. Такое чувство он испытал, когда увидел ребенка, похожего на фею, переминающегося с ноги на ногу на платформе. Девочка была закутана в твидовое пальто и шарф крупной ручной вязки. Ирландские синие глаза, которые улыбались ему, были полны любопытства. Эти глаза были такими же ясными, как и его собственные.

Майкл разволновался, ему пришлось откашляться, прежде чем он смог заговорить.

- Твоя дочь?

Бэт почувствовала себя пойманной и не видела выхода.

- Да.

- Она похожа на твоих ангелочков.

Бэт молчала. Внимательно глядя на Майкла, она ждала. Он знает, поняла она. Он все знает.

Эмма сбежала вниз по лестнице с тревогой на нахмуренном лобике. Она схватила руку Бэт и прижалась плечом к матери.

- Кто этот человек, мама? - прошептала она. Майкл не мог оторвать взгляда от малышки, прижавшейся к Бэт.

- Мэссей сказал мне, что у тебя есть дочь, но я никогда... - Бэт резко его оборвала.

- Мне необходимо проследить, чтобы все это погрузили на поезд. Извини нас.

Оглушенный новостью, Майкл не мог сдвинуться с места и смотрел, как они рука об руку взбираются по деревянным ступенькам платформы. Однако он обратил внимание на то, что девочка все еще улыбалась ему, оборачиваясь, пока Бэт тащила ее за собой к вагону.

Кипящая злость сменила состояние шока у Майкла. У перрона, ожидая прибывающих пассажиров, стоял экипаж. Майкл подошел к извозчику, вытащил монету из кармана и отдал ее мужчине.

- Мое имя Шогнесси. Возьми саквояж и отвези его в отель, - распорядился он. - Я решил сегодня не уезжать.

Бэт старалась улыбаться, передавая служащему тщательно завернутые работы. Дрожащими пальцами она вынула деньги для оплаты багажа. Харви Литл, клерк, который отсылал все ее предыдущие работы в Уитни Компани, всеми силами старался вовлечь Бэт в разговор.

- Опять картины? По какому случаю? - интересовался он.

- Что? - Бэт казалось, что она не в состоянии связать двух слов. Ей хотелось оглянуться и проверить, наблюдает ли за ней Майкл, но, боясь, что это и вправду так, Бэт не смотрела в ту сторону.

- Праздничные картинки? Но Рождество прошло. - Харви улыбался, медленно наклеивая марки и ставя печать на посылку. Затем он проверил крепость бечевки.

- Ко дню святого Валентина, - старалась поддерживать разговор Бэт.

- Да, верно. Это в следующем месяце, не так ли? Надо купить открытку для жены.

Он отдал ей квитанцию. Бэт промямлила слова благодарности и повернулась.

Она едва не налетела на Майкла Шогнесси.

- Ой! - Эмма старалась выдернуть ладошку из жесткой хватки Бэт. - Мама. Ой!

Бэт отпустила ее.

- Не пиши, Эмма.

Майкл улыбнулся девочке, но взгляд его стал заметно холоднее, когда он посмотрел на Бэт.

- Нам явно надо поговорить. Не здесь и не сейчас.

- Я думаю, сейчас здесь не время и не место. В поисках союзника Майкл обратился к ребенку который так внимательно его изучал.

- Давайте уйдем с холода. Что если я приглашу вас на чай в отель.

- Нет, - сказала Бэт.

- Да! - пронзительно завизжала Эмма. Затем, повернувшись к матери, попросила ее, - пожалуйста, мама. Там такие вкусные пирожные!

Бэт хотелось задушить Майкла. Но тот лишь пожал плечами.

- Где твои вещи? - спросила Бэт.

- Я изменил планы и решил сегодня не уезжать. - Майкл указал на ступени. - Только после вас, дамы.

Эмма шла впереди. Двое взрослых молча следовали за ней, их мысли были в совершеннейшем смятении.

- У Вас большой дом? - спросила Эмма, надкусывая пирожное.

- Не болтай с набитым ртом.

Сцена за столом в ресторане отеля «Шеридан» вызвала у Бэт воспоминания о воскресном обеде с Чарльзом, но сегодня ее сердце билось еще сильнее. Несмотря на чай, она ощущала сухость во рту, щеки пылали.

Майкл изо всех сил старался занять Эмму, угощая ее сладостями и задавая один вопрос за другим. А Эмма, которая не знала этого чужого человека, болтала без умолку. Бэт ждала первого перерыва в разговоре, чтобы найти предлог для ухода.

- У меня очень большой дом, - рассказывал Майкл, - в котором много, много комнат.

- И Вы там живете совсем один? - Эмма откусила от сладкого пирожного, мило улыбнулась Майклу.

Майкл, прежде чем ответить, посмотрел на Бэт.

- Совсем один, если не считать слуг. Ну, и лошадей, конечно.

- А у Вас есть пони? - Он покачал головой.

- Нет, мне просто не нужен был пони, но для него всегда найдется место в конюшне.

Чувствуя за невинными словечками скрытую опасность, Бэт подхватила сумочку:

- Все Эмма, хватит. Мы и так задержали мистера Шогнесси.

- У меня много свободного времени, - сказал он. - Кроме того, я хочу проводить вас домой и завершить нашу беседу там.

- Я так и знала. Поэтому хочу сразу с этим покончить.

Майкл наклонился к Бэт.

- Я не понимаю, почему ты так взволнована? У тебя было семь лет, чтобы продумать объяснения.

- А мне шесть лет, - включилась Эмма. Майкл откинулся назад с довольной усмешкой.

- Знаю. Ты говорила мне. А сейчас, пока ты доедаешь последний кусочек, Эмма, расскажи мне, пожалуйста, о своих друзьях.

- Скажи миссис Филдинг, что ты можешь остаться у нее только на час, - крикнула Бэт с крыльца, наблюдая, как Эмма одна шагает к соседскому дому. Она дождалась, пока Эмма вошла к Филдингам, постояла еще немного, собираясь с мыслями, и вернулась в дом.

Майкл присел у камина в гостиной и подбрасывал поленья в затухающий огонь. Он не смотрел

на Бэт, пока та не закрыла дверь.

- Она моя дочь, правда?

Бэт сняла пальто и повесила его рядом с одеждой Майкла. Можно было снова соврать, но она так долго лгала, что сейчас сказала правду:

- Да.

- Ты знала, что у нас будет ребенок, когда выходила замуж за Стюарта Брауна? - В комнате было очень холодно и Майкл засунул руки в карманы.

Бэт пыталась согреть руки, потирая их.

- Нет, - ответила она.

Майкл сердцем чувствовал, что Эмма Браун была его ребенком. Ее глаза - копия его глаз, и черные, как полночь, волосы - тоже его. На всякий случай он спросил:

- Как ты можешь быть так уверена?

От злости Бэт прямо ожила.

- Я знаю, потому что была замужем за Стюартом только по имени. Он женился на мне, чтобы оплатить свои долги. Стюарт не любил меня и знал, что я не люблю его. Он был очень добр со мной и Эммой и ни разу никому не сказал, что она не его дочь. Ты единственный мужчина, с кем я спала. - Майкл поставил кочергу на место.

- Почему же, черт побери, ты не дала мне знать? Твой брак мог быть аннулирован. Девочка должна знать настоящего отца.

Бэт, подгоняемая гневом и страхом, осмелилась подойти ближе к нему.

- Дать тебе знать? Зачем? Со Стюартом, по крайней мере, у меня была крыша над головой и сознание того, что у Эммы всего достаточно.

Она обвела рукой комнату.

- Стюарт не был богат, но только мечтами жить нельзя, Майкл. Эта истина далась мне нелегко. Все, что тогда ты имел - это голова, заполненная проектами, и деньги на образование. Где бы мы были, если бы я прибежала к тебе тогда с Эммой? Жили бы в комнате, как та, что ты занимал, учась в университете? Или необходимость обеспечить существование жены и ребенка вернула бы тебя на мельницу?

- Ты должна была дать мне шанс, Бэт. Боже праведный, она же моя плоть и кровь!

По тому, как дрожали руки Майкла, Бэт видела, что ему очень трудно справиться с собой. Но как заставить его понять все?

- Моя жизнь была разрушена из-за моего глупого плана. Это не твоя вина. Я не хотела испортить ни твою, ни свою жизнь.

- Как благородно с твоей стороны.

- Майкл, не надо. Не надо ненавидеть меня больше, чем ты ненавидишь сейчас.

Он отвернулся, боясь оказаться слишком близко к ней, боясь того, что он мог сделать. Майкл прошел по гостиной, вошел в столовую и остановился у шкафа.

Бэт видела, как он поднял одну картину, ту, что она не отослала Уитни, со стрелком-херувимом, похожим на Эмму, с сокровенной надписью внизу. Бэт прикрыла рот рукой и закрыла глаза, пока он рассматривал рисунок.

- Ты не забыла, - нежно произнес он.

- Я не забыла ни одной минуты, проведенной с тобой, - откровенно призналась Бэт. - Ни на секунду.

- Есть сердце у каждого на Земле. Свое я предлагаю тебе! - начал он.

- Оно всегда верно и преданно будет, тебя оно никогда не забудет, - закончила она.

Разгневанный, но потрясенный откровенностью Бэт, Майкл осторожно поставил картину на камин. Он старался овладеть голосом и говорить спокойно:

- Мне придется вернуться в Дэнвер, в магазин... - Бэт безмолвно кивнула, зная, что следует ожидать большей беды. Эмма быстро привыкла к нему. Майкл даже нес ее на плечах до дома. Он богат, а Бэт знала силу денег. Ей было все равно, простит ли он ее когда-нибудь или нет, но если Майкл попытается забрать дочь...

- Мне необходима Эмма, - сказал он. - Я вернусь, как только улажу дела.

- Она моя, Майкл. Ты не можешь забрать ее.

- Она наша. Она и так целых шесть лет принадлежала только тебе.

Бэт расправила плечи, как бы защищаясь, и решительно сказала:

- Я убегу. Возьму Эмму и убегу так далеко, что... - Майкл схватил ее за плечи, но она вырвалась.

- Слушай меня внимательно, Бэт Браун. Два дня назад ты мне сказала, что все уже слишком поздно. Может, так оно и есть, но мне не поздно познакомиться со своей дочерью. Я не собираюсь потерять ее и постараюсь стать частью ее жизни. Ты можешь взять себе этого Мэссея, если хочешь...

- Я...

- Но мы скажем Эмме, кто ее настоящий отец, прежде чем все зайдет слишком далеко. Иначе быть не может.

- Майкл, пожалуйста, ... как я могу объяснить ей все это сейчас? Она же ребенок. Она не поймет.

Майкл отвернулся, чтобы взять свои вещи. Он не проронил ни слова до тех пор, пока не оделся, и только в дверях сказал:

- Я вернусь самое большее через две недели. Мне все равно, как ты все это сделаешь - это твоя

проблема. Но если тебя с Эммой здесь не окажется, я буду преследовать тебя до конца жизни.

С этими словами он так хлопнул дверью, что стекла едва не разлетелись.

Бэт спешила мимо кирпичного здания суда к дому Чарльза. Переходя с шага на мелкий бег и обратно, она вся вспотела. Завернув за угол, Бэт торопливо миновала еще три дома, а потом заскользила по ледяной тропке. Пробежав по крыльцу, она едва сдержалась, чтобы не застучать в дверь изо всех оставшихся сил.

Вышла экономка Чарльза – вдова, воспитывавшая шестерых детей после гибели мужа в шахте.

- Здравствуйте, Ханна. Чарльз дома?

Ханна Корниш провела Бэт в дом с выражением любопытства на лице.

- Он в кабинете, работает с документами. Вы можете подождать в гостиной, пока я позову его.

Она оставила Бэт расхаживать по комнате и вернулась через несколько секунд.

- Я забыла спросить, может, Вы хотите чаю или еще чего-нибудь?

- Ничего, благодарю Вас.

Как могла она даже думать о еде или напитках, когда над ней нависла угроза неминуемой беды?

Ноги Бэт нервно ступали по персидскому ковру. Дом Чарльза был полной противоположностью ее дому – большой, удобно спланированный, элегантно обставленный. Она слышала, что у него даже есть водопровод. В углу у окна стояло пианино.

Вошел Чарльз, лицо его сияло.

- Бэт! Какой сюрприз! – Он протянул ей обе руки, и Бэт пожала их. – Надеюсь, ничего плохого не произошло?

Ее подбородок задрожал, Бэт ненавидела себя за эту слабость. – Все плохо.

В ту же минуту выражение счастья на его лице исчезло.

- Снова Майкл Шогнесси, верно? Что он тебе сделал? – Чарльз отпустил ее руки и направился к двери. – Не волнуйся. Я найду его и...

- Чарльз, подожди! Я пришла поговорить. – Явно рассерженный, он вернулся к ней и подвел к дивану, который, в отличие от ее собственного, был длинный, мягкий, с прекрасной обивкой. Присев, Бэт повернулась к нему.

- Мне непросто сказать тебе это, Чарли. – Она сделала глубокий вдох и выпалила: – Майкл – отец Эммы.

Реакция Чарльза была непередаваемой.

- Что? Как это?

Овладев собой, спокойно и уверенно, к собственному удивлению, Бэт поведала другу всю историю от начала до конца – знакомство на балу, тайные встречи в парке, желание Майкла встретиться с ее отцом, страх, который заставил ее убежать. Сдержанно, но честно Бэт рассказала Чарльзу о том, как она заставила Майкла переспать с ней. Она не скрыла ничего: ни гнев отца, ни внезапную помолвку и свадьбу, ни правду о ее жизни со Стюартом Брауном.

И тогда Чарльз заговорил, в недоумении качая головой:

- Я даже не подозревал. Стюарт никогда ничего не говорил.

- Он был добр ко мне. Стюарт понимал – по крайней мере, по его словам, – что причины брака у нас были одинаковы и в то же время разные. Общей была ненависть моего отца. Мой муж знал, что я не любила его, но уважал меня, Чарльз. И еще: он любил Эмму.

- Кто бы не полюбил ее? – внезапно в голосе Чарльза появилась грусть. – Что ты теперь собираешься делать?

Ее охватило ощущение безнадежности. За такой короткий срок произошло так много событий.

- Я как раз и пришла к тебе за советом. Что мне делать?

- Ты все еще любишь его?

- Кого?

- Шогнесси, конечно.

- Он ненавидит меня.

- Совсем не обязательно. Он сейчас в шоке. Вероятнее всего, он просто зол...

- Определенно.

- И обижен. Ему больно не только от того, что он потерял тебя. Потеряв тебя, он потерял Эмму. А теперь он нашел тебя и узнал, что ты скрывала от него существование ребенка.

Бэт нервно теребила юбку. Длинный локон выскользнул из уложенных волос, но Бэт не замечала этого. Чарльз приподнял прядь и осторожно поправил ее.

- Ты не ответила на мой вопрос, Бэт. Ты все еще любишь Майкла Шогнесси?

Бэт знала, что ее ответ причинит боль этому доброму, мягкому человеку, но она решила покончить с ложью и увертками.

- Боже, помоги мне! Да, я все еще люблю его.

Чарльз долго молчал, держа ее руки. Было видно, что он принимает важное решение.

- Тогда признайся ему.

- Ты не видел лица Майкла, когда он уходил. – При одном воспоминании Бэт содрогнулась.

- Зачем мужчине беспокоиться и искать женщину спустя столько лет, если он ее не любит?

Она посмотрела в окно, затем вновь повернулась к Чарльзу.

- Ты так думаешь?

В глазах Чарльза появилась нежность, когда он произнес:

- Я не понимаю, почему бы ему не любить тебя, Бэт Браун. Знаю, что пройдет много времени, пока я смогу хоть немного забыть тебя.

- О, Чарли, - она потянулась к нему и крепко его обняла. - Прости меня. Мне не хотелось причинять тебе боль. Я никому никогда не хотела вреда...

Из ее глаз потекли слезы, которые она так долго сдерживала. Чарльз притянул ее к себе и нежно погладил по спине, успокаивая.

- Ш-ш-ш. Успокойся. По крайней мере, я знаю, что не потерял твоего уважения. Ты давно его любишь? И продолжала любить все это время?

- Угу, - всхлипывала она, уткнувшись лицом в его плечо.

Чарльз слегка отстранил Бэт.

- Ну-ка, ну-ка. - Он вытащил носовой платок из кармана и вытер ей слезы. - А вот нос высморкни сама, у меня это плохо получится за тебя. - Чарльз подал ей платок.

Бэт высморкнулась, скомкала платок и приложила его к глазам.

- Ты весь промок от моих слез. Что подумает Ханна?

- Кому какое дело? Сейчас тебе лучше?

- Спасибо, Чарльз.

- Подожди немного, не торопись. Когда Шогнесси вернется, он уже примет решение. Тогда ты поймешь, что он чувствует. И кроме всего прочего, будь честна с ним.

- Мне надо было быть честной прежде всего с тобой, Чарли. Ты потерял столько времени со мной.

- Вовсе нет, - вновь улыбнулся он. - Срок истекал весной, помнишь?

Она кивнула.

- Получу ли я свое поздравление?

Бэт встала и разгладила юбку.

- Конечно. - Она чувствовала, что вот-вот расплчется снова, поэтому собрала всю свою волю, чтобы не допустить этого. - Мы с Эммой начнем делать поздравления через несколько дней.

- Вот и хорошо. - Он подождал, пока она наденет пальто, а потом проводил ее до двери. - И скучать не придется, пока ждешь от него вестей.

Встав на цыпочки, Бэт поцеловала Чарльза в щеку.

- Спасибо за то что ты такой хороший друг, Чарли. Надеюсь, ты будешь навещать нас так же часто, как и раньше.

- Еще бы!

Она вышла из дома. Чарльз проводил ее до ступенек.

- Пока, Бэт.

- Пока, Чарли, - она махнула ему рукой. Пройдя немного, она остановилась и оглянулась.

Он все еще смотрел ей вслед.

- Красиво, да, мама?

Бэт подошла к Эмме, которая встала на кухонный стул, чтобы было удобнее достать обрезки ленты, бумажные цветочки и кусочки кружева, наваленные на столе. Она взглянула на разукрашенную без меры открытку, сделанную руками ее дочери, и улыбнулась про себя. На нелепо разрисованном бумажном сердце уже не осталось свободного места. Художественный вкус Бэт восставал против беспорядочной смеси, перепачканной клеем, но она решила оставить все так, как есть. Идея принадлежала Эмме, и в каждую деталь была вложена частичка ее души.

- Что ж, очень красиво и не похоже на другие открытки. Для кого она?

Эмма сосредоточилась:

- Думаю, ... думаю для мистера Мэссея.

- Правильно. Чарльзу понравится.

- Что ты думаешь о мистере Хиггинесе, молочнике? Думаешь, стоит сделать одну открытку и для него? Он всегда так мил и весел.

- Ты делала для него в прошлом году?

- Нет, но я была младше и быстро уставала. У нас осталось еще много симпатичных рисунков.

Бэт кивнула с серьезным видом.

- Да, ты права. Тогда делай. Я думаю, ему понравится открытка, обшитая голубым атласом.

Пока Бэт вырезала и клеила свои собственные произведения: одно для Чарльза, другое для соседки Марджори Филдинг, третье - для мистера Оуэна, мясника с произношением кокни, всегда радовавшего ее улыбкой и комплиментом, она чувствовала внутри себя покой, которого не было еще три недели назад. Уже третье февраля, но от Майкла Шогнесси не было известий.

Почти неделя ушла на то, чтобы исчезли беспокойство и тревога, возникавшие каждый раз, когда она слышала на крыльце чьи-то шаги. Прошла одна неделя, за ней другая, и волнение улеглось. Теперь Бэт спала всю ночь, не просыпаясь от страха, что Майкл неожиданно вернется и попытается отнять у нее Эмму.

Сумерки вытеснили дневной свет. Бэт встала из-за стола и зажгла газовую лампу. В гостиной

было так холодно, что ее стало знобить. Тогда Бэт подкинула еще одно полено в огонь.

- Не хочешь ли горячего какао, Эмма? - спросила она, проходя через столовую.

- Да, - Эмма даже не взглянула на нее.

Бэт налила молоко из бутылки, стоявшей на подоконнике, в кастрюльку и поставила ее на плиту. Она улыбалась, слушая, как дочь напевает за работой. Эмма очень выросла за последние месяцы, и пришло время заняться ее гардеробом, чтобы зимние платья смогли послужить до весны.

Стук в дверь был непродолжительный, но сильный. Что-то в нем насторожило Бэт. Она выпустила банку с какао, которую только что достала, и та упала с грохотом на пол.

- Эмма! Подожди! - схватив банку и запихнув ее куда-то в шкаф, Бэт побежала к двери. Сердце бешено прыгало, руки вдруг стали непослушными. Может быть, это Чарльз. Только бы не Майкл!

Она пробежала через распахнувшиеся двери и увидела, что Эмма стоит рядом с мужчиной.

Инстинктивно Бэт уже поняла, что это он.

В одной руке Майкл бережно держал букет роз, а в другой - длинный сверток, перевязанный огромным атласным бантом. Даже с такого расстояния Бэт могла разглядеть, что Майкл немного изменился.

Бэт ничего не могла поделать, ей оставалось только наблюдать за Эммой, радостно выкрикивающей приветствия.

- Ой, проходите, мистер Шогнесси! А мы как раз готовим поздравления ко дню святого Валентина. Вы хотите какое-нибудь?

Майкл смотрел не на Эмму, а в глубь комнаты.

- Мне бы хотелось два, сказал он. Эмма запрыгала и закружилась на месте.

- Мама! Ты будешь делать поздравление для мистера Шогнесси? Я буду.

Эмма убежала к обеденному столу, чтобы сразу же начать готовить новое поздравление, и Майкл остался один у раскрытой двери. Он вошел и закрыл за собой дверь носком ботинка, так как его руки все еще были заняты. С цветами и коробкой в руках.

Майкл прошел через гостиную и остановился у края стола, прямо напротив Бэт.

Их дочь забралась вновь на стул и осматривала заваленный бумагами стол.

Майкл улыбался: «А ты, Бэт? «

Улыбка, которая делала его похожим на когда-то любившего ее человека, застала Бэт врасплох.

- Что я?

- Ты собираешься готовить мне открытку?

- Я...

- Наверное, тебя нужно подкупить?

- Подкупить?

Майкл поискал взглядом место для коробки и поставил ее на ручки кресла во главе стола около себя. Затем он протянул Бэт цветы.

- Это тебе.

Не отрывая взгляда от его лица, она прошла мимо стола и потянулась к кроваво-красным розам. Он положил их в руки Бэт осторожно, как кладут новорожденное дитя.

Во рту вдруг пересохло, Бэт еле промолвила:

- Спасибо.

- Я боялся, они не доживут от Дэнвера. Их привезли из парника в Калифорнии.

Бэт почувствовала желание скрыться от теплого блеска в глубоких синих глазах.

- Я пойду за вазой.

На кухне Бэт подняла розы ближе к лицу и вдохнула дурманящий аромат. Бутоны почти раскрылись. Она положила цветы на столик и отыскала высокую вазу. Как сумасшедшая, она метнулась к кухонному насосу и стала качать воду, пока не заполнила вазу на три четверти. Сорвав зеленую вощаную бумагу с букета, Бэт поставила розы в вазу и понесла их обратно в столовую.

Сцена, которую она застала, была слишком спокойной в отличие от чувств, бушевавших внутри нее. Майкл снял верхнюю одежду и сидел рядом с Эммой. При виде их черноволосых голов, склонившихся над Эмминым поздравлением, Бэт заплакала. Вместе со слезами пришла внезапная догадка: их больше не разлучить.

Казалось, Майкл был так доволен, что не обращал на Бэт никакого внимания. У нее появилось достаточно времени, чтобы как следует его рассмотреть. Резкие черточки у глаз и строгая линия губ, на которые она обратила внимание в прошлый раз, заметно расправились за то время, пока они не виделись. Майкл часто и с готовностью улыбался, когда обменивался с Эммой мнениями о том, какие краски лучше использовать. Когда, наконец, Майкл взглянул в сторону Бэт, она почувствовала, как теплота его улыбки разлилась до самых кончиков ее пальцев.

Она поставила цветы на буфет, затем оглянувшись, поняла, что он настойчиво смотрит на нее. Бэт пришлось придумать, что бы сказать.

- Как долго ты собираешься пробыть в Теллуриде?

Ожидая, что Майкл сделает ядовитое замечание типа «Не дождешься, когда уеду?» - она удивилась, услышав: «Еще не знаю», но легче от этого ей не стало.

- Тебе нравится сочетание этой зеленой ленточки с фиолетовой? - спросила его Эмма.

- Не очень, дорогая. Как насчет розовой и фиолетовой? - Он вдруг нахмурился и спросил Бэт:

- Что-то горит?

- Молоко!

Бэт кинулась в кухню, не раздумывая схватила ручку кастрюльки и вскрикнула: «Ой! « Кастрюлька опрокинулась на плиту, и то, что осталось от пригоревшего молока, разлилось по поверхности плиты.

- Проклятье! - прошептала она, облизывая обожженные пальцы.

Дверь широко распахнулась, и Майкл вбежал в маленькую кухню.

- Скорее давай руку под холодную воду. - Он подвел Бэт к раковине и стал поливать холодной водой ее пальцы, держа за запястье. - Лучше?

Он стоял так близко, что Бэт ощущала жесткую шерсть его пиджака и дурманящий запах туалетной воды. Он напомнил ей запах рома и морских брызг. Майкл склонился над ее рукой, и она наблюдала за ним сквозь опущенные ресницы, удивляясь, почему у него не проявляются признаки ненависти, которые были раньше в его глазах.

- У тебя есть масло?

- В леднике.

Майкл погрузил ее пальцы в холодную воду и подошел к деревянному леднику у двери. Через минуту он уже вернулся с масленкой в руке.

- Майкл, ничего страшного. Тебе не стоит...

- Я хочу, - настоял он, открывая и закрывая ящики в поисках ножа. Во всех ящиках были только кисточки и краски. Майкл вздохнул и покачал головой.

- У тебя есть что-нибудь, чем можно отрезать масло?

Он взял одну из кисточек.

- Думаю, мне придется намазывать его кисточкой.

Бэт почувствовала, что не может не улыбнуться. Майкл ответил тоже улыбкой и открыл следующий ящик.

- Нашел!

С ножом в руке он вернулся к ней и наскреб масло. Затем, сняв его с ножа, нежно взял покрасневшие пальцы Бэт одной рукой, а другой начал намазывать масло.

Она заглянула в его глаза и увидела, что Майкл внимательно изучает ее. Его пальцы продолжали чувственно втирать прохладное масло в ее нежную кожу. Она таяла так же быстро, как это желтое мягкое вещество, которым он смазывал каждый палец по отдельности.

Майкл откашлялся. Бэт видела, как его густые ресницы цвета черной ночи закрыли глаза, а затем вновь поднялись вверх.

- Лучше? - прошептал он.

Она кивнула. Их разделяло только легкое дыхание. Он излучал тепло, любовь, надежность и был тем прежним Майклом, который жил в ее воспоминаниях. Этого чувства она так долго не испытывала.

- У меня было немало времени на раздумья, пришлось много размышлять обо всем, начиная с того самого дня, когда я ушел отсюда, - заговорил Майкл.

Она ждала появления злости, ждала, что он потребует Эмму, даже если не навсегда, то, по крайней мере, настолько, чтобы возместить потерянные годы. Но вместо этого Майкл продолжал держать ее обожженную руку и внимательно рассматривать Бэт.

- Я о многом думал, Бэт: о прошлом, о нас с тобой, об Эмме. Как только я приехал, тут же пошел в «Олгудз». Прошел между прилавками, витринами и понял, что работал много и долго, и все впустую.

- «Олгудз» - один из крупнейших торговых центров на западе Миссисипи, - вставила Бэт слово в его защиту.

- В тот вечер, когда я вернулась домой, та же самая мысль посетила меня. Думаю, ты могла бы назвать мое жилище особняком, но вот домом, настоящим домом оно никогда не было. Я просто представлял себе, что ты жила в таком же со своим мистером Брауном.

- Майкл, я...

- В одиночестве я сидел в темноте довольно долго, сравнивая то, о чем я мечтал когда-то, с тем, чего достиг. И тогда в голову пришла грандиозная мысль.

Сама не зная почему, Бэт вдруг ощутила легкость, с каждым ударом сердца крепчала надежда.

- Что за мысль?

- Мысль о том, что я сделал все это благодаря тебе, Бэт. Я боролся и карабкался, просил милостыню и занимал деньги, батрачил до тех пор, пока не получил все, что хотел. Мне необходимо было доказать тебе, что я могу стать таким же богатым, как твой отец, богаче, чем Стюарт Браун. Таким богатым, чтобы однажды бросить это богатство тебе в лицо и дать понять, что ты совершила большую ошибку, предпочтя его мне. Но потом я приехал в Теллурид, и мне стало ясно, что все мои мысли не соответствуют действительности. - Он помедлил, поднес ее ладонь к своим губам и нежно поцеловал. - А еще я нашел Эмму.

- А сейчас? - Бэт чувствовала его теплое дыхание.

Майкл выпустил ее руку и немного отодвинулся.

- Надеюсь, еще не поздно попросить у тебя прощения за мое поведение в тот вечер. Когда я увидел Эмму, то понял, что все, о чем я думал - это быть с ней. Но даже с дочерью моя жизнь была бы без тебя пустой. Я все знаю о Мэсsee и помню твои слова о том, что для нас с тобой слишком поздно начинать все сначала. Но клянусь тебе святым Патриком, что сделаю все возможное и невозможное для того, чтобы убедить тебя выйти за меня замуж, Бэт Браун. И я не уеду из города, пока ты не скажешь мне «да».

В кухне стало совсем темно. Запах горелого молока наполнил воздух. Бэт разглядывала лицо Майкла: глаза, губы, ямку на щеке, превращающуюся в складку. Наступило то время, о котором она так долго мечтала, а ей все еще не верилось в это до конца. Ей ничего не надо

было в жизни, кроме одного: стать женой Майкла, сейчас и навеки.

- Да, Майкл, - чуть слышно прошептала она. Он продолжал, будто не слышал:

- Знаю, что тебе нравится Мэссей, и поверь, дорогая, могу понять почему. Он...

Бэт попыталась снова, на этот раз громче:

- Майкл, я сказала «да».

- Не стоит спорить со мной. - Он помедлил, вдруг вскинул голову и спросил: - Что ты сейчас говорила?

- Я сказала «да», я выйду за тебя замуж. Да, я все еще люблю тебя. Да. Да. Да!

Без лишних слов он яростно схватил ее, чуть не смяв ребра, и крепко прижал к себе. Затем порывисто поднял голову и прильнул своими губами к ее губам. Майкл взял лицо Бэт в руки, поцелуй стал продолжительным. Вдруг дверь распахнулась настежь, и Эмма произнесла:

- А что вы делаете в темноте?

Майкл прервал поцелуй первым. Обнимая одной рукой Бэт за талию, он отступил на шаг назад и улыбнулся маленькой девочке, появившейся в дверном проеме.

- Я целую твою маму, Эмма. Сейчас, пожалуйста, закрой дверь и сходи за той большой коробкой, что осталась в кресле, а я зажгу лампу.

Дверь мгновенно захлопнулась, и Майкл снова принялся целовать Бэт, но дверь открылась снова.

- Коробку я принесла, а почему еще не зажжен свет?

Голос Майкла прозвучал из темноты:

- Мы решили, что лучше пойти вместе с тобой в столовую, так ведь, дорогая?

- Да, - подтвердила Бэт. - Думаю, пора узнать, что лежит в этой коробке, как ты считаешь, Эмма?

Рука об руку, будто боясь вновь потерять друг друга, они последовали за дочерью.

- Черт! - тихо прошептал Майкл. - Почему здесь все время так дьявольски холодно?

Эмма села перед камином с коробкой на коленях.

- Нужно платить за дрова. А это дорого, - начала объяснять Бэт, когда Майкл добавил два полена в почти угасший огонь.

Он грустно смотрел на языки пламени, лизавшие сухое дерево. Он ненавидел холодный дом. Это напоминало ему промерзшие комнаты, в которых он рос. Сдавленным голосом Майкл произнес:

- Тебе не придется больше заботиться об этом, правда?

Она покачала головой.

- Надеюсь, не придется.

- Можно мне открыть коробку сейчас, или это сюрприз для мамы?

Майкл схватил Бэт за руку и потянул на диванчик. Недовольный тем, что она намеревалась только присесть рядом, он посадил ее к себе на колени.

- Для мамы были цветы. А это - тебе.

- Открывай, сладкий мой, - подбодрила ее Бэт Эмма разорвала ленту и сняла крышку. Под матерчатым покрывалом лежала прекрасно одетая и причесанная кукла с фарфоровой головой и руками.

- Майкл, она так прекрасна! - Бэт обвила руками его шею.

- Она похожа на меня, мама. У нее черные волосы и стеклянные синие глаза. - Эмма потрогала своими пальчиками кружевное платье, а потом посерьезнела. - Тимми даже разочка до нее не дотронется.

Майкл остолбенел.

- Тимми?

Бэт рассмеялась.

- Ужасный Тимми Филдинг. Наш сосед, дружок Эммы.

Майкл заворчал.

- Она слишком мала, чтобы иметь мальчиков. - Эмма немедленно отозвалась.

- Фу! Мальчики! Фу, фу, мистер Шогнесси! - Она внимательно посмотрела на Бэт и Майкла, затем медленно встала и направилась к ним с куклой в руках. Дойдя до диванчика, Эмма долго смотрела на Майкла и Бэт, затем спросила:

- Мама, что ты делаешь у мистера Шогнесси на коленях?

Бэт залилась краской, пыталась соскочить с колен, но Майкл удержал ее.

- Не хочешь ли посидеть с нами, Эмма? Здесь места хватит для всех троих, - предложил он.

Эмма вскарабкалась и села рядом с Майклом, посадив куклу на колени. Свободной рукой Майкл обнял ее за плечи. Какое-то время все сидели молча. Майкл и Бэт смотрели друг на друга, а Эмма разглядывала платье своей новой куклы. Наконец, она взглянула на Бэт, затем на Майкла и глубоко вздохнула:

- Все это означает, что ты не собираешься выходить замуж за мистера Мэссея, да, мама?

Майкл и Бэт ответили в один голос.

- Нет, она не собирается, - сказал он.

- Нет, я не собираюсь, - произнесла она.

Эмма вновь страдальчески вздохнула, причем так, что взрослые не могли не заметить этого.

- Что-то не так, Эмма? - спросил Майкл. Бэт предчувствовала то, что за этим последует.

- Я догадываюсь, это означает, что в конце концов у меня никогда не будет другого папы. - Она искоса посмотрела в сторону Майкла и грустно пожала плечами.

- Конечно, будет, обязательно будет, мисс Эмма, - сказал он. - И причем самый лучший.

- А какой это «самый лучший»? - заинтересовалась Бэт.

- Это значит настоящий, - объявил Майкл. Затем он взял ручонку Эммы в свою руку и сказал: - С сегодняшнего дня я буду твоим папой.

- Правда? - Эмма отложила куклу и присела на колени рядом со взрослыми. Она внимательно посмотрела на мать, чтобы удостовериться, правильно ли она все поняла.

- Да, я буду твоим папой.

- Верно, - добавила Бэт.

Все еще не веря в свою удачу, Эмма решила узнать точнее.

- Когда?

Майкл повернулся к Бэт:

- Когда?

- Через одиннадцать дней устроит? Не слишком рано?

Он наклонился поближе к ней и прошептал:

- Думаю, это слишком большой срок, если ты намерена просиживать у меня на коленях целыми вечерами. - А затем громко: - А почему через одиннадцать дней?

- Через одиннадцать дней праздник святого Валентина! - закричала Эмма. - В день святого Валентина я получу настоящего папу!

- А я получу тебя, - прошептал Майкл Бэт. Она заглянула в его сияющие глаза и улыбнулась:

- А я тебя.